

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

СОЛНЦЕВОРОТ

Э 76

Р 30030

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 10—20

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА — 1942

ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ

СОЛНЦЕВОРОТ

(октябрь 1941 — февраль 1942)

Издательство „Правда“
Москва — 1942

Отв. редактор К. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“

Изд. № 181

A50891

Зак. тип. 635

Тираж 150 000 экз

Статформат А—105×148 мм 3 п. л. Кол. знаков в 1 печ. листе 48 600.

Цена 40 коп.

Подписано к печати 23/IV 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Суцевская. 21.

ВЫСТОЯТЫ

Немцы хотят нас разьесть своей ложью. Они говорят колхозникам: «Мы не против вас, мы против рабочих». Они говорят рабочим: «Мы не против вас, мы против интеллигентов». На самом деле им все равно, кто ты — рабочий, колхозник, интеллигент, русский, украинец, грузин, еврей: они против всех нас. Они хотят завоевать нашу землю. Они хотят взять наше добро. Половину людей они хотят уничтожить. Другую половину обратить в рабство.

Они говорят: «Мы против советского строя». Ложь. Им все равно, какой у нас строй. Им нужно нас ограбить. Во Франции была республика. Немцы были тогда против республики. В Югославии была монархия, немцы были против монархии. В Польше было правое правительство, немцы были против правых, в Норвегии было левое правительство, они были против левых.

Они говорят: «Мы против коммунистов». Ложь. Они против всех граждан нашей страны. Они только за своих шпионов. Все честные люди — для них враги. Кого они сейчас расстреливают в Чехословакии? Коммунистов? Нет, генералов, рабочих, крестьян, учителей, левых и правых. Они сажают в тюрьмы католических священников Франции, Бельгии, Словении. Они

пытают православных священников Сербии. Может быть, для них аббаты в священники — тоже «коммунисты»?

Они говорят: «Мы против евреев». Ложь. У них есть свои евреи, которых они жалуют. У таких евреев в паспорте две буквы — «W. J.» — «ценный еврей». В Югославии немцы объявили, что «низшая раса» — сербы. В Польше они обратили в рабство поляков. Они говорят, что французы — «низшая раса, полунегры». Русских они называют «монгольскими вырожденками». Они ненавидят все народы, кроме немцев. Они презирают все расы, кроме немецкой.

Они говорят, что они дадут крестьянам землю. Ложь. Для крестьян у них одна земля — на могилах. У кого в Германии земля? У герцога Кобург-Гота десять тысяч га, у герцога Фридрих-Ангальт двадцать девять тысяч га, у графа фон Арним Мускау двадцать шесть тысяч га, у маршала Геринга двадцать тысяч га. Эти герцоги, графы, бароны решили прикарманить русскую землю.

Немцы вводят в захваченных областях крепостное право. Колхозы они превратили в «предприятия германской армии», машинно-тракторные станции объявлены собственностью германского государства. Колхозники обязаны работать на «общинных дворах» под надзором немецких офицеров.

Они говорят, что они несут рабочим «социализм». Ложь. Кто правит Германией? Капиталисты. Крупные Феглеры. На одного маршала Геринга работает шестьсот тысяч рабочих. Геринг любит кобелей. Каждый его волкодав стоит больше, чем зарабатывают сто ра-

бочих. Немецкие капиталисты хотят забрать нашу нефть, наш уголь, нашу сталь, наш марганец, наш лес. Рабочие будут работать на них и есть помой. Немецкий медицинский журнал недавно разъяснил, что мясо «чрезвычайно вредно для славянской расы», поэтому немцы, заботясь о спасении всех рас, переведут славян на вегетарианский режим. Котлеты будут есть Геринги — им полезны котлеты с картошкой. Кожуру от картошки они выдадут русским рабочим.

Они говорят, что они несут интеллигенции культуру. Жалкие выродки, они смеют говорить о культуре, нам, стране Пушкина и Толстого, Менделеева и Павлова, Мусоргского и Бородина! Они заставили французских писателей продавать на улицах орехи. Они заставили чешских профессоров убирать немецкие конюшни. Они заставили голландских музыкантов чистить сапоги немецким ефрейторам. Они уничтожают культуру. Они ищут русских ученых, русских врачей, русских инженеров, чтобы послать их на «трудовые работы»: убирать в Германии выгребные ямы.

Они говорят, что они чтут мораль. Это развратники, мужеложцы, скотоложцы. Они хватают русских девушек и тащат их в публичные дома, выдают их своей солдатне, они их насилуют, заражают сифилисом.

Они говорят, что они исповедуют религию. Но они поклоняются языческому богу Вотану. Они вешают священников. У них написано на бляхах «с нами бог». Но этими бляхами они бьют по лицу агонизирующих пленных.

Они говорят, что они сторонники национальной

культуры. О культуре они ничего не слышали. Культура для них — это автоматические ручки и безопасные бритвы. Автоматическими ручками они записывают, сколько девушек они изнасиловали. Безопасными бритвами они бреются. А потом опасными бритвами отрезают носы, уши и груди у своих жертв. Они призывают фламандцев резать валлонцев, они призывают хорват резать сербов, они призывают украинцев резать русских. А потом они режут фламандцев, сербов и украинцев. Они заставляют норвежцев говорить по-немецки. Они заставляют чехов писать по-немецки. Они заставляют поляков перед смертью хрипеть по-немецки. Они уничтожают национальную культуру. Они требуют, чтобы все народы отреклись от своей культуры. Они хотят, чтобы была только одна нация — немцы. Остальные пусть лижут камень и глотают пыль.

Они не сотрут нас силой. Они не возьмут нас и хитростью. Каждый советский боец знает, за что он идет в бой. Колхозник дерется за землю дедов. Рабочий — за труд, за свое государство. Интеллигент сражается за нашу культуру, за книги, за право мыслить, творить, совершенствовать мир. Юноши сражаются за чистоту любви, за русских девушек. Отцы — за счастье детей и за честь матери. Подростки — за то, что перед ними. Старики — за то, что они сделали. Русские — за Пушкина, за Волгу, за березы. Украинцы — за Шевченко, за хаты, за вишни. Грузины — за Руставели, за горы, за виноградники. Все народы — за одно — за родину.

Враг наступает. Враг грозит Москве. У нас должна

быть одна только мысль — выстоять. Они наступают, потому что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся, потому что мы хотим жить. Жить, как люди, а не как немецкие скоты. С востока идут подкрепления. Разгружают пароходы с военным снаряжением: из Англии, из Америки. Каждый день горы трупов отмечают путь Гитлера. Мы должны выстоять. Октябрь сорок первого года наши потомки вспомнят как месяц борьбы и гордости. Гитлеру не уничтожить Россию! Россия была, есть и будет!

12 октября 1941 г

ИСПЫТАНИЕ

Ветер гасит слабый огонь. Ветер разжигает большой костер. Испытание не задавит русского сопротивления. Испытание его разожжет. Мы не отворачиваемся от карты: мы видим Украину, захваченную врагом, немцев под Москвой, немцев под Ростовом. За этими словами скрыта страшная беда: сотни разоренных городов, миллионы поработанных людей. Мерзавцы в Берлине обсуждают, под каким именем включить Украину в Германию. Вшивый румынский скрипач Антонеску гарцует по улицам Одессы. Как это вытерпеть? А бомбы впиваются в нашу гордость, в нашу любовь — Москву..

И вот сжимаются сердца. Глаза блестят от гнева. Растет сопротивление. Попрежнему героически держится Ленинград. Защитники Москвы изумляют мир своей доблестью. В тылу готовится мощная армия. Киевские, харьковские, днепропетровские заводы работают среди полей Заволжья и Урала. Машины стали беженками. Наспех расставили станки. В тесноте работают рабочие: делают самолеты, автоматическое оружие, моторы. Враг в Донбассе. Но у нас Кузнецк, Караганда. Враг захватил Кривой Рог, но у нас Магнитка, у нас мощные заводы Урала. У нас еще много земли, много нив, много ставков.

Наши враги вынуждены признать отвагу бойцов в командиров Красной Армии. Почему же мы отступали? Почему отдали немцам цветущие области, дорогие нам города? На том или ином участке фронта у врага оказывалось численное превосходство. У нас народу вдвое больше, чем у немцев, но у немцев больше моторов — они могут легче маневрировать.

Пятнадцать лет тому назад мы начали строить заводы. Наша промышленность — молодая. Пятнадцать лет тому назад в Германии уже была сильная военная промышленность. Гитлер построил сотни новых военных заводов. Гитлер захватил Европу. Теперь на немцев работают заводы Франции, Чехии, Бельгии. У немцев оказалось больше моторизованных частей, в они врезались в сердце нашей страны.

Однако каждый день наши летчики и артиллеристы уничтожают сотни немецких моторов и танков. Однако каждый день по трем океанам плывут к нам из Америки, из Великобритании сотни новых моторов и танков. К весне у нас будет больше моторизованных частей, нежели у немцев. Гитлер это знает. Он хочет победить до весны. Мы должны помнить: каждая отбитая атака, каждый выигранный день приближает нас к тому часу, когда мы будем сильнее немцев. Выстоять — вот наш долг.

Наши юноши привыкли к чересчур легкой жизни. Широко раскрывались перед ними двери школ. У нас не человек искал работу, работа искала человека. И многие у нас привыкли к тому, что за них кто-то думает. Теперь не то время. Теперь каждый должен взять на свои плечи всю тяжесть ответственности. Но вражеском окружении, в разведке, в строю каж-

дый обязан думать, решать, действовать. Не говори, что кто-то за тебя думает. Не рассчитывай, что тебя спасет другой. Тебе дана высокая честь — защитить родину. Ты не ребенок — ты муж. На тебя с доверием смотрит страна. Не уклоняйся от ответственности. Не уклоняйся от инициативы. У тебя есть оружие — винтовка, у тебя есть другое оружие — голова. Немцы — это автоматы. Ты — человек. Не забывай об этом ни на минуту.

Русский любит свободу. Никогда не заставят нас пруссаки маршировать, как гусей. Но свобода — это не беспорядок. Трудно было приучить москвичей переходить улицу по гвоздям. На войне ничего нет страшнее беспорядка. Противотанковые рвы — хорошее дело. Но есть рвы поглубже: это железная дисциплина. Она не пропустит врага вперед.

Враг напал на нас исподтишка. Страшной была та короткая июньская ночь, и дорого она нам обошлась. Мы должны истребить беспечность. Быть всегда на чеку. Нет спокойного участка. Враг может ударить внезапно. Нет мирного тыла. Враг может совершить налет, сбросить десант, прорваться вглубь. Проверь любой путь. Проверь любое слово. У врага хорошая разведка. У него опытные шпионы. Стой и молчи. Молчание — это оружие. Иногда оно стоит сражения.

Голодная, жадная немчуря рвется дальше. Их соблазняют магазины и квартиры Москвы. Они хотят зимовать в домах с центральным отоплением. Они хотят есть котлеты. Их нужно остановить. Их нужно хорошенько проморозить. Их нужно продержать в русских лесах на немецкой колбасе из гороха. Этот режим для них полезен: к весне они поумнеют.

Английские летчики каждый день крошат немецкие города. Народы Европы готовятся к восстанию. Русские, украинцы, белоруссы в захваченных врагом областях не складывают оружия. Друзья, мы должны выстоять! Мы должны отбиться! Когда малодушный скажет: «Лишь бы жить», — ответь ему: «У нас нет выбора». Если немцы победят, они нас обратят в рабство, а потом убьют. Убьют голодом, каторжной работой, унижением. Чтобы выжить, нам нужно победить. Если честный патриот хочет спасти родину, он должен победить. Если малодушный хочет спасти свою шкуру, он тоже должен победить. Другого выхода нет.

Россию много раз терзали чужеземные захватчики. Никто никогда Россию не завоевывал. Не быть Гитлеру, этому тирольскому шпику, хозяином России! Мертвые встанут! Леса возмутятся. Реки проглотят врага. Мужайтесь, друзья! Идет месяц испытаний, ноябрь. Идет за ним вслед грозная зима. Утром мы скажем: еще одна ночь выиграна. Вечером мы скажем: еще один день отбит у врага. Мы должны спасти Россию, и мы ее спасем!

4 ноября 1941 г.

НЕТ ТЫЛА

Города Поволжья увидели людей, лишившихся своего крова, людей, добравшихся до Волги из захваченных врагом областей. Стало тесно в городах Поволжья. Скажем еще раз: в тесноте, да не в обиде.

Конечно, каждому приятно жить у себя. Конечно, каждому обидно стоять в очереди. Конечно, каждого злит, когда он не находит яа базаре молока. Но легче жить в тылу, нежели в блиндаже. Немецкие фуγάски хуже очередей. Можно прожить без молока. Нельзя прожить под немцами.

В этой войне нет тыла. Война повсюду. Наши летчики бомбят Берлин, а Берлин далеко в тылу. В Италии все население получает в день по двести граммов хлеба, а Италия далеко от фронта. Каждый должен теперь терпеть лишения. Пришлось поделиться комнатой? Не беда.

Плохо ли, хорошо ли мы жили, но мы жили у себя дома. Немцы несут гибель всем. В Париже до немцев было вдоволь продовольствия. В Париже не знали, что такое очередь. А когда пришли немцы, родились очереди, да какие — в одья километр длинной за пятью картофелинами! Немцы сидят в ресторанах и жрут бифштексы. А парижане получают по пятидесяти граммов хлеба.

Поляков немцы гонят на каторжные работы. Конечно, обидно, если отбирают у человека комнату. Но хуже, когда у него отбирают страну. Тогда и податься некуда. Поляков немцы гонят в Германию; там они работают, как рабы. А кормят их похлебкой из картофельной кожуры.

Сколько стоит молоко на базаре? Одни говорят — слишком дорого. Другие говорят — слишком дешево. Но в городах Украины, захваченных немцами, таких разговоров не услышишь. Там немцы попросту забирают все молоко. Они расплачиваются квитанциями — маленькая бумажка, можно из нее свернуть козью ножку; только не свернешь: даже махорку немцы забрали.

Если города Поволжья хотят отстоять себя, они должны работать день и ночь. Приехали заводы из Киева, из Харькова, из Ленинграда, из Москвы. Машины стали бсженками. Рабочие паспех устанавливают станки. Делают моторы, самолеты, оружие. Женщины, учитесь работать. Идите на заводы. Защитники Москвы защищают не только Москву. Они защищают Горький, Казань, Куйбышев, Саратов. Помогите устроиться пришлым рабочим. Помогите колхозникам собрать картошку. Наладьте распределение. В городах много свободных магазинов. Очереди не от недостатка. Очереди от беспорядка. Пусть каждый проявит инициативу. Пусть никто не сваливает на другого ответственность. Теперь каждый человек — в строю. Не ворчать нужно, а работать, организовывать, действовать.

Эта война — не гражданская война. Это отечествен-

ная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев. Немцы говорят, что они воюют против советского строя. Ложь! Им все равно, какой у нас строй. Они пришли не для того, чтобы спорить с нами. Они пришли, чтобы ограбить нас. Все русские должны подняться против них. Мы знали в жизни много трудного. Но мы не знали одного: никто никогда не ругал русских за то, что они русские. А на улицах Смоленска, Новгорода, Орла стоят немецкие держиморды и орут: «Поворачивайтесь живей, русские свиньи!» Города Поволжья не хотят узнать позор. Города Поволжья должны глядеть правде в глаза. Враг силен. Но сильнее врага наше мужество, паша воля, наше единство. За Россию мы терпим, за Россию деремся, и Россию мы отстоим!

4 ноября 1941 г.

МЫ ВЫСТОИМ!

Еще недавно я ехал по Можайскому шоссе. Голубоглазая девочка пасла гусей и пела взрослую песню о чужой любви. Там теперь говорят орудия. Они говорят о ярости мирного народа, который защищает Москву.

Еще недавно я писал в моей комнате. Над моим столом висел пейзаж Маркэ: Париж, Сена. В окно, золотая, березовая, виднелась Москва. Этой комнаты больше нет: ее снесла немецкая фугаска. Я пишу эти строки впопыхах: пишущая машинка на ящике.

Большая беда стряслась над миром. Я понял это в сентябре 1939 года, когда беспечный Париж вдруг загудел, как развороченный улей. Каждому народу, каждому честному человеку суждено в этой беде потерять уют, добро, покой. Мы многое потеряли, мы сохранили надежду.

Надевая солдатскую шинель, человек оставляет теплую, косматую, сложную жизнь. Все, что его волновало вчера, становится призрачным. Неужели он вчера гадал, какой покрывкой обить кресло, или горевал о разбитой чашке? Россия теперь в солдатской шинели. Она трясется на грузовиках, шагает по дорогам, громыкает на телегах, спит в блиндажах и теплушках. Погиб Днепрогэс, взорваны прекрасные заводы,

мосты, плотины. Вражеские бомбы зажгли древний Новгород. Они терзают изумительные дворцы Ленинграда. Они ранят нежное тело красавицы Москвы. Миллионы людей остались без крова. Ради права дышать мы отказались от самого дорогого, каждый из нас и все мы, народ.

Москва превратилась в военный лагерь. Она освобождена теперь от гражданской ответственности. Она может защищаться, как крепость. Она получила высокое право — рисковать собой. Я видел защитников Москвы. Они хорошо дерутся. Земля становится вязкой, когда позади тебя Москва; нельзя отступить хотя бы на шаг. Враг торопится. Он шлет новые дивизии. Он говорит каждый день: «Завтра Москва будет немецкой». Но Москва хочет быть русской, и Москва не сдается.

Что ищет Гитлер, врезаясь в тайники нашей страны? Может быть, он надеется на капитуляцию? У нас есть злые старики, у нас нет петэнов, и воры у нас есть, но нет у нас лавалей. Россия, пошедшая по дорогам, вдвойне страшнее России оседлой. Горе нашего народа обратится на врага.

Я ничего не хочу приукрашивать. Русский никогда не отличался методичностью немцев. Но вот в эти грозные часы люди, порой бесшабашные, порой рыхлые, сжимаются, твердеют. Наши железнодорожники показали себя героями: под бомбами они вывозили из городов заводы и склады. За Волгой, на Урале уже работают эвакуированные цехи. Ночью устанавливают машины. Рабочие зачастую спят в морозных теплушках и, оогревшись у костра, начинают работу. В

авиашколах учатся юноши, через несколько месяцев они заменят погибших героев. В глубоком тылу формируются новые мощные армии. Народ понял, что эта война — надолго, что впереди годы испытаний. Народ помрачнел, но не поддался. Он готов к кочевью, к пещерной жизни, к самым страшным лишениям. Война сейчас меняет свою природу, она становится длинной, как жизнь; она становится эпопеей народа. Теперь все поняли, что дело идет о судьбе России: быть России или не быть. «Долго будем воевать», — говорят красноармейцы, уходя на запад. И в этих горьких словах — большое мужество и надежда.

Нельзя оккупировать Россию, этого не было и не будет. Россия всегда засасывала врагов. Русский обычно беззлобен, гостеприимен. Но он умеет быть злым. Он умеет мстить, и в месть он вносит смекалку, даже хозяйственность. Мы знаем, что немцев теперь убивают под Москвой, но немцы знают, что их убивают и за Киевом. Слов нет. Гудериан умеет маневрировать, но и ему не усмирить крестьян от Новгорода до Таганрога. Германская армия продвигается вперед, но позади она оставляет десятки, сотни фронтов.

Россия — особая страна. Трудно ее понять на Вильгельмштрассе. Россия может от всего отказаться. Люди у нас привыкли к суровой жизни. Может быть, за границей стройка Магнитки и выглядела, как картинка, на самом деле она была тяжелой войной. Неудачи нас не обескураживают. Издавна русские учились на неудачах. Издавна русские закалялись в бедствиях. Вероятно, мы сможем исправить ваши недостатки. Но и со всеми нашими недостатками мы

выстоим, отобьемся. Тому порукой история России
Тому порукой и защита Москвы.

Может быть, врагу удастся еще глубже врезаться
в нашу страну. Мы готовы и к этому. Мы не сда-
димся. Мы перестали жить по минутной стрелке, от
утренней сводки до вечерней, мы перевели дыхание
на другой счет. Мы смело глядим вперед: там горе
и там победа. Мы выстоим — это шум русских лесов,
это вой русских метелей, это голос русской земли.

28 октября 1941 г.

ШЕЛК и ВШИ

В каждом немецком городке теперь ходят женщины с глазами, припухшими от слез. Их мужья убиты под Ленинградом, под Москвой, под Ростовом. Кто знает, о чем они думают в бессонные ночи? Может быть, они вспоминают счастливое время, когда мужья присылали им веселые открытки о победах, французские духи и греческие пряности. Может быть, вдовы проклинаят Гитлера, разорившего не только сотни европейских городов, но миллионы немецких семей.

Наряду со вдовами в каждом немецком городке еще ходят жены. У них тоже блестят глаза — не от слез, от голода. Они ждут писем с фронта. Не только писем — посылок. Больше писем они ждут сала или колбасы. Они ждут также чулок и ботинок. Эти еще ничего не поняли. Для них война — универмаг: мужья пошли за покупками. У них жадные глаза — у всех этих Эльз, Эмм и Гертруд. Они мечтали о свином окороке, о беличьей шубке, о шелковых чулках. Однако они не брезгают ничем. Среди последних писем, найденных у убитых немецких солдат, некоторые поражают нищенской правдой.

Из письма солдату Капгеферу от жены, проживающей в Нейкирхене:

«...Посылку с веником и шваброй мы получили. Ве-

ник хорош и сделан, повидимому, еще в мирное время. Мама ему больше всего обрадовалась, он ведь нужен каждый день, а здесь его не достанешь...»

Из письма солдату Костерсу от жены, проживающей в Герне близ Аахена:

«...У меня к тебе еще просьба — если можно, достань мне шпагата. Здесь его нет...»

Из этих строк глядит страшная, опустошенная Германия. Вот до чего довел Гитлер немецкий народ! Священный поход за шваброй. Героические бои за бечевочку. Всю Европу они обошли, все страны обшарили. Сожгли, разрушили, сожрали, сносили, и вот, обнищавшие, они умирают ради веника...

Имеются среди этих нищих фантазерки. Они не упимаются. Они думают, что снова повторится лето сорокового года — грабеж Франции. «Невеста» Гертруда Гольман пишет своему «жениху» Густаву Рейзенбергу: «Пришли мне розового шелка на блузочку и на рубашонку. Это моя давнишняя мечта...»

Глупая немецкая кукла. Ее Густав убит. Он лежит среди сугробов возле Волхова. Кругом ни магазинов с шелком, ни домов, ни изб. Снег — белый и равнодушный. И лицом в снег — мертвый Густав.

А живые Густавы больше не думают о посылках. Им не до «невест». Возле маленького костра они сидят, замороженные теплом. Они лезут на огонь, как мошकारа. Они жгут худые свои шинели. Они суеверно ежатся, думая о крещенских морозах. Они падают замертво от огня, уже полумертвые от холода. Промерзшая земля их не принимает. Они будут лежать до весны, как мясо в холодильнике. Они — рядом с живыми. И живые дрожат, дрожат и чешутся. Они давно

не мылись. Они забыли тот день, когда они в последний раз разделись. Вот письмо, которое написал вакапуне смерти солдат Франц Цебет своей жене:

«...Я не знаю, как спастись от вшей. В куртке столько вшей и гнид, что ее страшно надеть. А моя рубашка — это попросту лужа крови». Франц Цебет пишет о зиме, о немецком рождестве, шлет приветы родным и вдруг, шутя, приписывает: «Не прислазь ли вам наших вшей?»

Это немецкий юмор зимы 1941 года. «Пришли мне розового шелка на рубашонку», — щебечет Гретхен. Франц в ответ гнусит: «А вшей не хочешь?» Тыл, еще мечтает о швабре. Фронт задыхается среди вшей и кала. Тыл еще рассуждает о победах. Фронт вопит: нам холодно. Мы не хотим больше побеждать — мы умираем от побед. Мы замерзаем от триумфов. Мы дохнем в снегах, как плешивые голодные волки. И только вши еще едят остывшее тощее тело...

26 ноября 1941 г.

ОТВЕТ РИББЕНТРОПУ

В Берлине было задумано большое торжество: собрали «союзников» Германии. Предполагалось, что Гитлер сообщит им о взятии Москвы. Программу праздника пришлось в последнюю минуту переменить, как говорится, «по независящим от дирекции обстоятельствам». Москву немцы не взяли, и Гитлер решил, что не стоит зря показываться перед своими лакеями. «Союзникам» преподнесли бывшего комми-воежера, сбывавшего скверное шампанское, Иоахима фон Риббентропа.

Фон Риббентроп — первый наглец Германии. Когда он был послом в Англии, англичане пробовали убить его иронией. Ему говорили: «Вы настоящий джентльмен». Фон Риббентроп не смущался, он развязно отвечал «Jawohl!» («конечно»), наступая при этом собеседнику на ногу. Фон Риббентроп умеет быть любезным, когда нужно, сбыть поддельное вино или выдать мобилизацию за сельское празднество. Он умеет и дерзить. Это ловкий мужчина. Он купил себе дворянское звание, накрутил несколько миллионов, перевел их в Южную Америку и живет припеваючи. Когда Гитлера побьют, фон Риббентроп уедет в Рио-де-Жанейро и будет там торговать коньяком или сигарами.

Перед лакеями фон Риббентроп был великолепен. Он

сначала расхвалил свою челядь. Вшивые румыны у него стали легендарными героями, маршал Маннергейм — пасхальным агнцем. Потом фон Риббентроп начал ругаться. Он обличал всех: президента Рузвельта, Черчилля, англичан; особенно он поносил русских. Его слова о русском народе настолько живописны, что их стоит выписать: «Русский человек туп, жесток и кровожаден. Он не понимает радости жизни. Ему неизвестны понятия прогресса, красоты и семьи».

Ай да Риббентроп! Какой он приткий в берлинской лакейской! Как он отважно нападает на русских — у себя, дома, подальше от красноармейцев! Как ловко жонглирует словами этот разбитной комми-вождер!

Мы не знаем прогресса? Кто это говорит? Министр государства, которое гордится тем, что в середине двадцатого века оно возродило десятый век. Прогресс гитлеровцев? Да, это знатный прогресс! В 1941 году они воскресили обычаи своих предков, диких германцев. Они ввели палача с топором, дуэли на молотах — один прогрессист разбивает голову другому, аутодафе для несчастных книг, еврейские погромы и «расовую теорию». Эти ревнители прогресса выбросили из своей страны самого крупного ученого нашего времени — Эйнштейна. Они сожгли сотни тысяч книг. После Дарвина они вернулись к генеалогическим деревьям. Они оскопляют чехов — так дикари на заре человечества оскопляли врагов. Они ввели экономику кочевников, которые вытаптывали страны. Они превратили Европу в пустыню. Они поклоняются языческому богу Вотану, они приносят ему и его первосвященнику, тирольскому шпику Гитлеру, кровавые жертвы. Вновь

над Европой черная смерть и ужас тысячного года, когда люди суеверно ждали светопредставления. Вот их прогресс!

Красота? О какой красоте смеют говорить эти люди? Они сожгли музей Франции — Руан. Они сожгли Новгород. Они выкинули из немецких музеев самые прекрасные картины. Их красота — это лягушачьи лапки Геббельса, это пирамиды из черепов, это распоротые животы полек и сербок. Кто посягнул на красоту мира, на древнюю Грецию? Друзья фон Риббентропа, банда механизированных мешочников. Нет города уродливей, чем столица гитлеровской Германии с ее пузатыми бюргерами, с ее обер-лейтенантами, морды которых изрублены на дуэлях, с ее толстозадыми валькириями и пауком-свастикой на фасадах.

Семья? Погодите, кто говорит о семье? Начальники случайных пунктов? Тот же Геббельс, публично избитый за блуд? Доктор Лей, который насилует девочек? Или, может быть, господа сфрейторы, которые устраивают в наших городах публичные дома и оскверняют наших женщин?

Фон Риббентроп назвал наш народ «тупым и жестоким». Было бы обидно, если бы этот проходимец хвалил наш народ. Народ, который до всего дошел своим умом, русский народ, народ Ломоносова, народ самоучек назван «тупым». Как здесь не посмеяться? Наш народ дал миру величайших ученых. Чьи книги читали немцы до того дня, когда Гитлер приказал своему народу стать народом дураков? Может быть, немцы в 1932 году читали романы Геббельса или «философские» опусы мошенника Розенберга? Нет, они читали Толстого и Достоевского, Чехова и Горького.

Русские — «тупой народ»! Мы многое придумали. Мы придумаем, как получше перебить этих прогрессивных погромщиков, тупую и зазнавшуюся немчуру. Есть у нас изобретатели. Может быть, весной какая-нибудь тупая бомба свалится на острую голову фон Риббентропа — надумаем и это.

Фон Риббентроп говорит, что мы «жестокий и кровавый народ». Это говорит гитлеровец, то есть представитель племени, уничтожившего десятки миллионов людей. Что думают о гуманности фон Риббентропа польские вдовы и сербские сироты? Русские были мирным, может быть, чересчур мирным народом. Лев Толстой жил не в Берлине. Братство народов люди провозгласили не в Потсдаме. Когда Германия голодала, мы слали немецким рабочим хлеб. Фон Риббентроп об этом не помнит; он тогда спекулировал на французском шампанском. Теперь мы решили перебить всех немцев, которые ворвались в нашу страну. Мы их не хотим мучить или пытаться. Мы попросту хотим их уничтожить. Это гуманная миссия, она выпала на долю нашего народа. Мы продолжаем дело Пастера, который открыл сыворотку против бешенства. Мы продолжаем дело всех ученых, нашедших способы уничтожения смертоносных микробов. Во имя прогресса, красоты, семьи, русский народ, огонь по немцам!

3 декабря 1941 г.

ПОСЛЕ РОСТОВА

26 ноября берлинская радиостанция спесиво заявила: «Когда немцы занимают какой-нибудь город, они никогда его не отдают». Три дня спустя хвастунов выгнали из Ростова. Бежали знаменитые танкисты Клейста, бежали «горные стрелки» Клюбера, бежали «википнги» — бежали, как будто они не викинги, но самые обыкновенные итальянцы.

Германское командование опубликовало изумительную сводку. Вот ее текст:

«Войска, оккупировавшие Ростов, в соответствии с полученными приказами, эвакуировали кварталы города, чтобы предпринять, ставшие необходимыми, беспощадные репрессивные меры по отношению к населению, которое вопреки правилам войны приняло участие в боях, направленных в спину германских войск».

Суровое у нас время — нам не до смеха. Но здесь давайте посмеемся! Битые немцы все еще хорохорятся. Они уверяют, что они ушли из Ростова назло нам. Они ушли, потому что им нужно расправиться с населением. Мы знаем, что немцы умеют расправиться с мирными жителями на месте. Чтобы вешать жителей Белграда, они не уходят в Загреб. Чтобы терзать парижан, они не перекочевывают в Лиэль. Если они ушли из Ростова, это потому что их из Ростова вы-

гнали. Это понятно даже немецким дуракам, которых девять лет отучали думать.

Они бегут к Таганрогу и в злобе ругаются: «Мы расправимся с жителями Ростова». Но пять тысяч палачей уже негодны для расправы: их закопали в землю.

Они кричат: «Мы разгромим город из орудий!» Но наши бойцы считают орудия, захваченные у немцев.

Они повторяют: «Мы ушли из Ростова, чтобы наказать Ростов». Bravo, эсэсы! Вам придется «наказать» и всю Россию — уйти прочь. Но не пять тысяч трупов мы зароем в нашу землю, а пять миллионов.

Освобождение Ростова — радостная весть. Это первая ласточка. Это первый освобожденный город. Ростов говорит защитникам Москвы: «Держитесь! Немцы умеют не только наступать. Они умеют и убегать».

Мы знаем: опасность попрежнему велика. Враг на пороге Москвы и Ленинграда. Но сегодня с новой верой мы говорим: «Стой! Ни шагу назад! Русские показали, что они умеют бить немцев. Трудно только начало».

2 декабря 1941 г.

ЛЕДЯНЫЕ СЛЕЗЫ

Немецкое радио передает каждый день с фронта описание солдатской жизни. Этим заняты «РК» — «роты пропаганды». Обычно в таких передачах бодрые монологи образцовых эсэсовцев: «Пришли, увидели, победили». Но вчера в передаче с немецкого фронта послышались правдивые слова. Они были посвящены русскому морозу:

«Дует ледяной ветер. Он как бы заодно с нашими врагами. Из глаз невольно текут слезы. Преглупая картина! Мы вытираем глаза и говорим, что мороз нам нестрашен.

Если башмаки не слишком тесны, мы надеваем по две пары носков и кроме того заворачиваем ноги в газету. Но все же ноги коченеют...»

Может быть, в ближайшие дни передачи «РК» сообщат нам о состоянии передних конечностей немцев, их ушей и носов.

За спокойным голосом диктора слышится дрожь: сидят и лязгают зубами победители всего мира с отмороженными лапами, сидят и плачут — плачут не от чувств — какие могут быть чувства у этих зверей? — нет, плачут от мороза. Воистину «преглупая картина»!

С завистью смотрят немецкие пленные на русские валенки. Они спрашивают: «Что это?..» По-немецки

даже нет такого слова. Русский с детства приучен к русским морозам. Русский дом, русская одежда рассчитаны на суровую зиму. А немцам это внове. Они сидят при тридцати градусах в тесных башмаках. Сидят и плачут. Плачут убийцы русских детей, плачут, как девчонки. Не думайте, что в них заговорила совесть. Нет, их растрогал наш мороз.

— Это — только начало. Немцы еще куражатся. Они пробуют отшучиваться. Но не надолго их хватит.

Зима перешла в наступление. Двигается северный ветер, он несется, как танковая колонна. Метель слепит людей. Это русская зима идет на захватчиков.

Смейтесь, гороховые шуты! Плачьте, убийцы! Приползли к нам? Получайте!

9 декабря 1941 г.

СВИДЕТЕЛИ

Вот приказ главнокомандующего германской армии: «Борьба против антигерманских элементов среди гражданского населения России возлагается на особые отряды безопасности.

Военнослужащим воспрещается присутствовать при выполнении отрядами безопасности необходимых мероприятий, а особенно фотографировать работу отрядов безопасности».

Этот приказ — прежде всего победа гестапо над немецкими генералами: Гиммлер получает монополию на виселицы, гестаповцы добились привилегии жечь деревни, расстреливать из пулеметов женщин и уничтожать русских детей. «Отряды безопасности» — это эсэсовцы, волки из волков, змеи из змей.

Конечно, и прочие немцы не любят церемониться. Обер-лейтенанты под видом борьбы с государственной изменой насилюют русских девушек. Ефрейторы, говоря, что они очищают страну от коммунистов, очищают крестьянские избы от одеял и подушек. Немецкие солдаты, якобы сражаясь с партизанами, убивают десятилетних детишек. Но все это для гитлеровцев мелочи. Оптовые убийства, расстрелы десятков тысяч горожан из пулеметов, уничтожение деревень, камер-

пытках для арестованных поручаются «отрядам безопасности».

Почему же военнослужащим возбраняется присутствовать при массовых казнях, пытках, при зверских расправах? Может быть, фельдмаршалы шадят чувствительные души ефрейторов? Может быть, начинают пошаливать нервы фельдфебелей? Нет, чужой кровью немца не проймешь. Не смутишь его агонией чужих детей. Почему же главнокомандующий подписал этот приказ? Ответ прост: главный палач, Адольф Гитлер, боится ответственности.

Среди немецких солдат достаточно болтунов. Попадется такой в плен и расскажет: «В Киеве наши здорово поработали — привели женщин на кладбище и расстреляли, а в Ростове наши сожгли детей в подвале — замечательно работали».

Еще опасней фотоаппарат. Немцы любят запечатлевать на пленке свои подвиги. Я видел фотографии с виселицами для сербов, с убитыми гречанками. Видел и фотографии, сделанные у нас: расстрел старого русского крестьянина, голую девушку на площади украинского городка. Имеются, наверно, и фотографии киевских зверств. Фотообъектив — наблюдательная штука, он запечатлевает все — и мучения жертв и морды палачей.

Гитлер страшится ответственности. Гиммлер поджимает хвост. Эсэсовцы начинают понимать, что не все им резвиться — придется и отчитываться. Они хотят убивать без свидетелей. Они хотят пытать без посторонних. Они боятся улик — долой фотоаппараты!

Наивные уловки! У нас миллионы свидетелей. Не немцев — наших. Не всех они убили. А уцелевшие все

видели. Сожженные дома — это тоже свидетели. Женские кофты в немецких штабах — это тоже улики. Мы обойдемся без немецких фотографий. Мы не станем гадать, какой эсэсовец насилывал, а какой проламывал черепа. Мы знаем, что все эсэсовцы — профессиональные палачи.

Настанет день, и мы посадим Гитлера на скамью подсудимых. Он ответит за все. Может быть, этот трусливый гад скажет: где улики, где свидетели? Тогда встанут из могил замученные. Тогда бросятся на Гитлера матери растерзанных. Тогда заговорят даже камни испепеленных русских городов. Тогда завопит наша земля, оскорбленная немецкими зверствами: «Смерть! Смерть! Смерть!»

13 декабря 1941 г.

БЛИЗИТСЯ ЧАС

Мы не зря пережили тяжелую осень. Мы не зря узнали горечь отступления. Мы закалились. Мы научились бить немцев. Дело не в отдельных успехах на том или ином участке фронта. Дело в умении, в силе нашего натиска. За Ростовом — Тихвин. За Тихвином — Елец. За Сталиногорском — Истра, за Истрой — Калинин.

Не все им кататься в танках, не все пировать. Нашлась управа на проклятую вемчурку. Завоевателя Парижа удирают из Ливен. «Герои» Фермопил теряют штаны в Алексине. Затаив дыханье, мир смотрит, как «непобедимая» германская армия откатывается от Москвы.

Это — только начало. Мы знаем, что впереди еще много испытаний, много трудных недель. Проклятый гитлеряга получил по носу. Но от шелчков такие не дохнут. Гитлеряге придется расшибить голову. Путь наступления — долгий путь: деревня за деревней, дом за домом. Немцы понимают, что их ждет. Они будут отчаянно защищаться. Они еще не раз попытаются прорвать наш фронт и перейти в контр наступление. Они налепили на лоб пластырь и спесиво почесывают зад. Они пишут: «Русские просто завяли

пункты, очищенные вами по соображениям высшей стратегии».

Нет, мы не «просто» заняли Ростов и Тихвин. Пришлось предварительно перебить десятки тысяч немцев. Да и немцы не «просто» очищали наши города. Они пробовали удержаться. Их выгнали из Клива. Их выбили из Калинина. «Высшая стратегия»? Объяснение для немецких остолопов. Когда выполняют стратегические операции, не бросают орудий, орудия — не окурки; не теряют танков, танки — не булавки. Пускай фрицы утешаются «высшей стратегией». Гитлер может выдать фельдмаршалу Рунштедту орден за очищение Ростова. Он может подарить фельдмаршалу фон Леебу золотую шпагу за бегство из Тихвина. Он может осыпать бриллиантами мундир фельдмаршала фон Бока за Клив, за Калинин, за Сталиногорск. Он может сказать, что климат Ростова вреден для немцев, что гитлеровцы, поглядев в бинокль на Москву, нашли ее малопривлекательной; он может сказать, что когда зимний ветер дует в спину, это приятней, чем когда он дует в лицо. Бывший шут еще может хорохориться. Важно начало: наши бьют немцев.

Слушайте, славные защитники Севастополя: немцы умеют удирать. Слушайте, украинцы: скоро черед Харькову. Смотрите, бойцы далекого Мурманска: у немцев не только танки, у них есть пятки, и эти пятки красиво сверкают. Дыши свободней, Ленинград кольцо вокруг тебя разжимается.

У немцев еще сотни дивизий. У немцев еще тысячи и тысячи танков. Немцы еще топчут наши богатейшие области. Они еще жрут и спят в ваших чудесных го-

родах. Но что-то треснуло в их проклятой машине.
Поглядите: немец уже не тот. Его глаза бегают. Его
сердце, трусливое и наглое, беспорядочно бьется. В
его тупую квадратную голову закрались первые сом-
нения. Нелегко его будет добить, Но теперь даже
дураки видят, что мы его добьем,

Полгода рыскали бешеные волки по нашей земле,
по нашим городам. Близится час облавы

20 декабря 1941 г.

РУКИ КОРОТКИИ

Газета «Франкфуртер цейтунг» пишет:

«Хлопчатобумажная фирма «Бремер» объявила об увеличении оперативного капитала до пяти миллионов марок, предназначенных на посевы и закупку хлопка в рамках экономического развития Востока, в том числе на посевы хлопка в Туркестане».

Слов нет, у немецких богачей длинные руки. О чем они мечтают во Франкфурте между двумя английскими бомбежками? О хлопке Туркестана.

А тем временем акционер фирмы «Бремер», он же обер-лейтенант немецкой армии, поспешно удирает из Калинина. «Почему вы дрожите, герр обер-лейтенант?», — спрашивает его неデリкатный коллега. Обер-лейтенант отвечает: «Холодно... Пфуй, какой ужасный климат». Врет немец: не только от холода его грядет — от страха.

Мечты о хлопке Туркестана придется оставить. Далеко от Калинина до Ташкента. Ближе от Калинина до Франкфурта. Да и не в одних километрах дело. Шесть месяцев немцы шли на Восток. Теперь изменилось направление: они бегут на Запад. Не о Туркестане им следует думать — о своей норе.

Они уже делили шкуру русского медведя. Но здесь-то и приключился конфуз: «Он, оглядеться не

успел, как на него медведь надел». Они в мечтах уже тащили наш хлопок, они перепродавали друг другу акции Магнитки, они, облизываясь, приценивались к бакинским промыслам. Их разбудили орудия Красной Армии.

Они недавно еще хвастались: «Мы смотрим в бинокль на Москву». Посмотрели. Хватит! Что касается нас, то мы и без бинокля видим их Франкфурт. Мы будем и там. Зря они выложили пять миллионов. Денжки пойдут на другое: отстроят Калинин. А господа акционеры фирмы «Бремер» расстанутся со своими сигарами — пошлют голубчиков в Клин — пусть чинят мосты и дороги.

21 декабря 1941 г

СОЛНЦЕВОРОТ

Это было в солнцеворот. Самая короткая ночь в году прикрыла злодеяние немцев. Мы знаем теперь, как это было, — по сотням немецких дневников, по рассказам пленных. Дивизии Гитлера были подготовлены к нападению. Немцы нетерпеливо перебирали ногами: их манила богатая и сытая страна. Сигнальные ракеты прорезали теплую ночь. Раздались первые выстрелы. Немецкие самолеты бомбили наши города. Это было в ночь на воскресенье. Одни мирно спали, другие развлекались в клубах, на вечеринках... Немцы напали исподтишка, прилетели на яркие огни городов, ползли, как гады в нескошенной траве, переплывали пограничные реки, убивали безоружных жителей.

Это было полгода тому назад. Всего полгода... Нам кажется, что это было сто лет тому назад: на войне день становится годом.

Вспомним: мы были тогда молодыми. Мы многого не понимали. У нас тогда были седые люди с детской душой. Теперь у нас и дети все понимают. Мы выросли в сто лет. Ничто так не возвышает народ, как большое испытание. Нашу верность проверили каленым железом. Нашу гордость испытали танками и бомбами. Мы выкорчевали из сердец беспечность. Мы

выжгли малодушие. Легко мы расстались с уютом и покоем. Шли месяцы. Враг продвигался вперед. Жестче становились глаза. Люди молчали. Но молча они думали об одном: мы выстоим!

Все короче становились дни. Вот а новый солнцеворот. Самая длинная ночь в году покрыла снежные просторы. По белому снегу среди черной ночи идут наши бойцы. Они идут вперед. Оня преследуют отступающего врага. Мы выстояла.

Немногие из немецких солдат, перешедшие 22 июня нашу границу, выжили. Шесть месяцев тому назад они весело фыркали: война им казалась забавой. Оня восторженно грабили первые белорусские села. Они обсуждали, какое сало лучше: сербское или украинское? Они думали, что оня непобедимы. Разве они не побывали в Париже? Разве оня не доплыли до Нарвика? Разве оня не перешагнули через горы Эпира? Они пришли к нам, посвистывая. Где оня? В земле.

На их место пришли новые. Пришли старика. Пришли подростки. Пришли калеки. Пригнали испанских каторжников. Пригнали румынский скот. Пригнали марсельских сутенеров. Пригнали босячье всей Европы. Немцы еще стреляют из автоматов. Немцы еще рают ваши города. Немцы еще пускают на нас свои танки. Но это не те немцы. Вода разъедает камень. Наше сопротивление разъело немецкую душу. Где их бывшая спесь? Оня не поют, они дрожат от холода. Они мечтают не о московских ресторанах, но о хате, о крыше, о хлебе. Оня суеверно говорят друг другу: «Зима только начинается»... В ночь солнцеворота мы с усмешкой им напомним: солнце — на лето, зима — на мороз.

Мы знаем, что враг еще силен. Есть имена, которые жгут наши сердца, они не дают нам спать, они кормят нашу ненависть, они пестуют наш гнев. Вот эти имена: Киев и Харьков, Курск и Орел, Днепропетровск и Одесса, Минск и Смоленск, Псков и Новгород. Мы помним о городах-мучениках. Мщение — как вино, со временем оно становится крепче. Мы только пригубили чашу. Мы знаем, что миллионы живых немцев еще топчут нашу землю: Ни минуты передышки! Отдыхать мы будем потом. Но в ночь солнцеворота мы спокойно говорим: шесть месяцев для нас не прошли даром, мы научились бить немцев. Мы были народом на стройке. Мы стали народом на войне.

В длинные декабрьские ночи среди сугробов шли немцы. Они шли на запад. Уходя, они жгли города. Зарево освещало немецкие трупы. В Германии они зажигали костры в честь своих побед. У нас они жгли русские города в честь своего поражения.

В эфире звучат имена наших побед: Ростова и Ельца, Клина и Калинина. От Америки до Ливии, от Норвегии до Греции об одном говорят люди: немцы отступают. Выше подняли голову французы. Чаше грохочут выстрелы сербских партизан. С восхищением смотрят на Красную Армию наши друзья и союзники. Не зря древние лепили победу с крыльями: она облетает моря. Наши победы — это победы всего человечества. В тяжелые октябрьские дни, когда враг наступал, когда Гитлер готовился к въезду в Москву, мы повторяли одно: «Выстоять!» Победа не упала с неба. Мы ее выстояли. Мы ее выковывали. Мы ее оплатили горем и кровью. Мы ее заслужили стой-

костью и отвагой. Нас спасла высшая добродетель — верность.

Героев Ростова благодарит Паряж. За героев Калинина молятся верующие сербы. Героев Ельца приветствует Нью-Йорк. Героям Клина жмут руки через тысячи верст стойкие люди Лондона. Русский народ принял на себя самый тяжкий удар. Он стал народом-освободителем.

Нелегко дались нам эти первые победы. Мы вспоминаем бойцов, которые вокруг Москвы не дрогнули под натиском танков. Мы вспоминаем прекрасный Ленинград. На его долю выпали горькие испытания. Мы думаем о наших летчиках, о наших моряках. Мы думаем о человеке, который в летнее утро сказал нам суровые и правдивые слова, который в грозный день седьмого ноября приподнял нас своим мужеством и своей волей, который провел корабль государства через грозные штормы, мы думаем о нашем главнокомандующем, о Сталине.

Впереди еще много испытаний. Нелегко расстанется Германия со своей безумной мечтой. Нелегко выпустит паук из своей стальной паутины города и страны. Они не уйдут с нашей земли. Их нужно загнать в землю. Их нужно уничтожить. Одного за другим.

22 декабря. Солнце — на лето, зима — на мороз. Добавим: война — на победу.

23 декабря 1941 г.

НЕМЕЦКОЕ РОЖДЕСТВО

Под елкой, занесенный снегом, лежал немецкий солдат. Его белые мертвые глаза глядели на запад. В его кармане нашли письмо из Вернигероде: «Дорогой Вилли! Скоро наше немецкое рождество. Мы встретим его без тебя. Я и Марта, мы надеемся, что ты не забудешь нас и пришлешь нам подарочки из России на елку».

Вот и пришло их немецкое рождество. Черно в Вернигероде, над городом—горы Гарца, над городом Брокен, и кажется, что там ведьмы справляют свой шабаш. Нет, это ветер воет в трубе. Марта и Анни стоят перед пустой елочкой. Три огарка и прошлогодняя потускневшая звездочка. Вот и дед-мороз, он, наверно, принес подарок. На нем кепи почтальона. Что он вытащит из сумки? меховую шапку, русский окорок, чулочки для Анни? Нет, это конверт. «Ваш муж погиб смертью героя на Восточном фронте».

Повесьте казенную бумагу на елку под тусклой звездой вашего фюрера. Ветчины не будет, чулочек не будет. Далеко от вас, где-то под Тулой, метель заносит гурп вашего Вилли. У почтальона много повесток. Он стучится из дома в дом, этот дед-мороз ни

кого не обойдет, он не забудет ни Гильду, ни Эмму, ни Фриду.

Вот ваше немецкое рождество! Вы думали его справлять иначе, вы думали среди мертвой Европы зажечь веселые елки, вы думали танцевать на великом кладбище немецкий канкан, вы думали, пьяные шнапсом и кровью, петь «Мир на земле». Ваш мир — мир волков, ваше рождество — рождество Ирода.

Мы не хотим смеяться над слезами Марты или Анни, но мы видим эти строчки, эти акуратные готические палочки: «Пришли нам подарочки из России». Мы видим жадную слюнявую морду немецкой гены. Мы коротко скажем: «Сударыня, вы дождались подарков. Вы получили по заслугам. Плачьте, если слезы могут обелить вашу черную совесть».

Мы были мирным народом. Лев Толстой в оскверненной вами Ясной Поляне думал об одном: о мире. В темную октябрьскую ночь, когда народы молчали, по горло в крови, рабочие искалеченного вами Петрограда прокричали: «Миру мир!» Мы же хотели чужого добра, мы не зарились на чужое счастье. Мы привели пшеницу на север, и мы открыли каналы как чудесные аорты. Мы любили книги и тепло братских рук. Вы приняли наше миролюбие за слабость, вы напали на нас, вы разбудили нашу непамять, вы вырастили наш гнев. Теперь для нас вы не люди, нет у нас для вас ни жалости, ни снисхождения, у нас для вас железо и елкс. Под нашими елками вы уснете непробудным сном.

Горите три огарка на елочке в Вернигероде! Плачьте, немецкие женщины! Ваше рождество станет постом, постом без конца. А не хотите плакать — пля-

шите, шуты и шутихи, дуйте в дудочки, благодарите фюрера за немецкое рождество. Ждите весны. Весной тают снега, весной вы услышите запах мертвечины. Весной придет в Вернигероде барабанщик Ганс, последний солдат немецкой армии, и он сыграет вам гитлеровский марш. Он будет пристукивать деревяшками, последний барабанщик мертвой Германии.

25 декабря 1941 г.

ВЕДЬМА В РУБАШКЕ

Новый главнокомандующий германской армией тирольский шпик Гитлер издал приказ: «Сбор теплых вещей необходим для успешного ведения боевых действий, поэтому всякий, кто не участвует в этой кампании, подлежит смертной казни».

Бандиты начали раздевать своих. Прежде они снимали тулупы с наших колхозников. Они разували французов и норвежцев. Теперь им этого мало. Они принялись за земляков. Берлинцы, давайте теплые подштанники — не то к стенке! Немки, снимайте с себя вязанки — не то вам снимут головы!

Веселый вовый год готовит Германии тирольский шпик — веселый, сытный и теплый. Дрожью задрожит раздетая разбойником разбойная страна. Придется снять с себя краденое добро — французские кацавейки и русские шубы. В летних костюмешках из деревянной трухи будут прогуливаться берлинцы.

Есть старая сказка о бедной девочке, которая продавала спички. Замерзая, она еще пыталась согреться крохотным огнем спички. Ей снились чудесные сны. Утром ее нашли замерзшей.

Германию когда-то изображали дебелой, грудастой Валькирией. Миновали те времена. На гитлеровских харчах Валькирия сбавила в весе. Теперь это сухая,

костлявая жевщина с цепкими руками и мутным взглядом. Еще недавно она куталась в русские меха. Теперь Гитлер пристал к ней с ножом: снимай шубу! Теперь Германия осталась в одном исподнем — не девочка со спичками из сказки Андерсена, нет, старая ведьма.

Она еще пробует согреться. Она жжет не спички: она жжет наши города. Согласно разъяснению немецкой печати, «немцы тщательно уничтожают оставляемые ими города». Пожарием Калинина, пепелищем Клина хочет отогреться закоченевшая Германия. Может быть, ей еще снятся чудесные сны? Может быть, она еще видит себя владычицей Европы? Может быть, ей кажется, что она в Москве — лежит в нагретых хоромы и помыкает миром? Это сны перед смертью.

Буянит, обезумев, тирольский шпик. В зимние ночи его молодчики рыщут по квартирам, взламывают сундуки, обшаривают каморки. «Фуфайку или голову!», — вопит Гитлер. Но ничто уже не согреет немецких солдат. Вокруг них снега смерти. В их сердце страшный холод поражения. Они бредут, замерзая, на запад. Они видят перед собой замерзшую старуху в белом саване — Германию.

Вы хотели выморозить мир? Замерзайте! Германия, ты хотела убить Европу? Подыхай—в рваной рубашке под своим немецким забором!

26 декабря 1941 г.

КОГДА ВОЛК НАЧИНАЕТ БЛЕЯТЬ...

По случаю нового года Адольф Гитлер обратился к немецкому народу с посланием. Тон послания чрезвычайно меланхоличный. Чувствуется, что автор не мог отвязаться от мыслей о Керчи и Калуге.

К немецкому народу обращается не только «фюрер», но и новый главнокомандующий. Вряд ли ему есть чем похвастать. Если генерал-фельдмаршал Браухич сдал Ростов и Калинин, ефрейтор Гитлер уже успел сдать Керчь и Калугу. Напрасно Гитлер кричит своим дивизиям: «Стоп!» Немецкие дивизии продолжают двигаться на Запад, и никто не знает, где они остановятся.

Гитлер заверял, что его солдаты отходят добровольно: они предпочитают зимние квартиры снежным сугробам. Но мало ли удобных квартир в Калининве? Мало ли теплых уголков в Калуге?

Гитлер заверял, что немцев гонит не русская армия, но полярные холода. Крым, как известно, не Сибирь. В Крыму зима куда мягче, чем в Берлине. Почему же немцы поспешили оставить Керчь?

Гитлер заверял, что отход немецких армий преследует одну цель — укоротить фронт. Но фронт не стал короче. Фронт стал длиннее. В него вонзились хорошие русские клинья. Его приплюснули хорошие рус-

ские клещи. Между Клином и Каширой была маленькая подкова. Между Старшей и Козельском — огромная арка.

Гитлеру нечем успокоить немецкий народ, и в своем новогоднем послании Гитлер вздыхает. Этот старый волк блеет: «Я хотел мира, а не войны». Вы слышите, народы Европы, поджигатель Варшавы, палач Белграда, убийца Парижа, догромщик Киева — миролюбивейший дядя. У него конфетки в кармане. Он хотел приласкать всю Европу, а бьяки на него обиделись. Он хотел мира, но ему грозили норвежцы. Он хотел мира, но под него подкапывались бельгийцы.

Гитлер пишет: «Я хотел работать в области культуры и образования». Неужели вы не догадывались, что тирольский шпик — гуманист, просветитель, дама-фребеличка? Он, оказывается, хотел работать на уровне просвещения. Он хотел мирно жечь книги и казнить ученых. Но ему помешал Люксембург. На него напал Люксембург, и ему пришлось от школьных учебников перейти к танкам.

Гитлер настаивает: «Я хотел посвятить себя цивилизаторской миссии». Разумеется, это цивилизатор. Он ведь рубил головы на плахе. Он стерилизовал женщин. Он заменил науку родословными. Он заменил любовь случкой. Он заменил университеты концлагерями. Он хотел продолжать, но вдруг греки накинулись на него, и бедному Гитлеру пришлось воевать.

Волк сидит в бабьем чепчике, подвязал щеку и блеет, но посмотрите — волчья морда в свежей крови.

Гитлер лицемерно восклицает: «Кому была выгодна война? Владельцам военных предприятий». Ближайший соратник Гитлера маршал Геринг сладко жмурит-

ся: Геринг стоит во главе греста военных заводов, и война его неслыханно обогатила. Улыбается фон Риббентроп, хлопает себя по карману Гиммлер, мурлычет колченогий Геббельс — у всех в Южной Америке миллионы — дивиденды с крови, с развалин, с трупов.

Гитлер кончает послание лепетом ханжи: «В начале нового года мы можем только просить всевышнего, чтобы он дал нам нужные силы. Если мы останемся верны нашим обязанностям, судьба будет такой, какой того хочет провидение. Мы боремся за наш хлеб насущный, за наш народ, за наше будущее. Бог нам поможет, и 1942 год даст нам спасение». Так наследник Ирода, приверженец кровавого Вотана, человек, терзавший французов и сербских священников, прикидывается богомольным. Он, дескать, не убивает детей. Нет, он только молится и надеется на провидение.

Волк ласково смотрит. Волк протягивает деткам соску. Волк жалуется — его затолкали овцы. Но, посмотрите: на волчьих лапах кровь. В глазах волка — виселицы Волоколамска, а шерсть пахнет гарью — это сожженные русские города.

Гитлер начал 1941 год бодрым криком: «Победа!» Он закончил год жалобным воем: «Спасение!». Он хочет оправдаться перед немцами. Он хочет сыграть великомученика. Он хочет выдать разбойную Германию за бедную, обиженную девочку. Он хочет загримировать эсэсовцев — этих насильников и грабителей — в невинно пострадавших. Он уверяет, что борется за свой народ и за свое будущее. Конечно, Гитлеру дорого его будущее — или править шпиком миром или висеть ему на дереве. Конечно, Гитлеру мил его народ — эсэсовцы и штурмовики, Геринг и Геббельс,

фон Крупп и Феглер. Конечно, Гитлер борется за свой «хлеб насущный» — тридцать месяцев Германия живет разбоем, тридцать месяцев она жрет краденый хлеб. Теперь немцы начали улепетывать. Теперь засела у них в горле краденая краюха. Теперь подходит время рассчитываться.

Хорошо, когда волк начинает бляеть! Для нашего уха это замечательная музыка. Но еще лучше будет, когда волк захрипит. А он обязательно захрипит. Мы не умилимся его чепчиком. Мы не примем гранату за соску. Мы его ненавидим, как только может живой человек ненавидеть. Мы не забудем о Киеве, когда придем в Берлин. Мы не забудем о наших городах и селах, когда ворвемся в логово зверя. За Днепр ответит Одер. Мы вспомним о виселицах Волоколамска, когда придем в Берхтесгаден. Волк захрипит.

6 января 1942 г.

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Сначала я считал брошенные немцами машины, потом запутался. Их были сотни. Нагло и жалко глядели на восток морды пушек. Как пойманные слоны, послушно плелись немецкие танки. Я вспомнил слова берлинской сводки: «Мы добровольно укоротили фронт...» Чудаки, они укорачивают костюм вместе с мясом!

Наше наступление с каждым днем крепчает. Об этом говорят немецкие могилы. Вначале видишь индивидуальные кресты с тщательно варисованной свастикой, с затейливыми надписями. Этих хоронили еще на досуге. Их зарывали на площадях городов, в скверах, в деревнях возле школы или больницы. Немцы хотели, чтобы даже их мертвые тревожили сон наших детей. Мы проехали двадцать—тридцать километров. Пошли простые березовые кресты. Этих хоронили второпях и оптом: «Здесь погребено 18 немецких солдат», «Здесь погребен лейтенант Эрих Шредер и 11 солдат». За Малоярославцем нет и крестов. Этих не похоронили. Они валяются возле дороги. Из-под снега торчит то рука, то голова. Замерзший немец стоит у березы, рука поднята — кажется, что, мертвый, он еще хочет кого-то ударить. А рядом лежит другой, заслонил рукой лицо.

На березовом кресте рука русского написала: «Шли в Москву, попали в могилу».

Дух наступления, как ветер, несет вперед наши части. Бойцы идут по целине, а снега-то, снега!.. Ничто их не останавливает. Позавчера была метель, снег слепил. Наступали. Вчера было солнце и тридцать градусов мороза, дух захватывало. Наступали.

Я разговорился с одним бойцом. Он чуть прихрамывал. Оказалось, что три дня тому назад осколок мины его ранил в колено. Хотели отослать в госпиталь. Боец запротестовал: «Не пойду! С июня я отходил. А теперь чтобы без меня?..» Мороз его веселил. Он только находил, что мороз «легонький», «покрепчал бы, как у нас», — это сибиряк.

Генерал-майор Голубев сказал мне: «Немцы наступали отсюда, дошли до Нары. Что же, мы прошли это расстояние в два раза скорее, чем они. Мы наступаем, а потерь у них куда больше, чем у нас».

Переменилась наша армия. Выросла не только материальная часть, выросли и люди. Бойцы возмужали, будто они прожили за полгода длинную жизнь. Но глаза остались молодыми: в них молодой гнев и молодая надежда. Обогатился опыт каждого. Боец, колхозник из Заволжья, говорит: «Я теперь это дело раскусил — как фрицев бить». И смеется генерал Голубев: «Я две военных академии прошел. Война — третья и самая главная...»

Немцы упорно обороняют узлы сопротивления. Они хстят измотать нас. Но мы не расшибаем голову об стену. Немцы много месяцев говорили о мешках, обхватах, клиньях, клещах. Теперь они барахтаются в нашем мешке, они задыхаются в наших об-

хватах, они корчатся, пронзенные нашими клиньями, и они умирают, сдавленные нашими клещами.

В яркий, ослепительный день января я думаю о пионерах победы. Победу мы начали строить не 6 декабря, но 22 июня. Победу строили герои, не пропускавшие немцев, истреблявшие еще свежие германские дивизии, взрывавшие мосты, выходявшие из вражеского окружения, пережившие горечь отступления, позволившие нашей стране выковать новое оружие и поднять на ноги новые части.

На фронте чувствуешь, какой любовью окружена Красная Армия, — для нее работает и дышит огромная страна. Если много стало у нас автоматов, это значит, что ночей не спят рабочие Урала. Если ест боец жирные щи, это значит сибирские колхозницы помнят о фронте. «Мало у нас было минометов, теперь хорошо...» Откуда эти минометы? Завод, что в ста километрах отсюда, давно эвакуировали. Но остались старики-пенсионеры, остались устаревшие станки, осталось немного сырья. Остальное сделали русская смекалка и русская преданность. Хорошие минометы. Хорошо они бьют немчуру. Старые рабочие маленького русского городка могут спокойно спать. А варезки чудесные у курносого, веселого минометчика. Варезки связала какая-то Маша в городе Аткарске, прислала к празднику. Фамилии своей не написала — «Маша» и все. Может теперь спокойно спать русская девушка Маша.

Ведут пленных. Лейтенант, ефрейтор, солдаты. Дрожат, хнычут. У одного обувь замечательная: левая нога в кожаном башмаке, правая в эрзацваленке. Оказывается, правую ногу он отморозил. Ефрейтор мне по-

ясняет: «Легко обмороженные в госпитали не отсылаются». Да и не отошлешь — у половины немецких солдат ноги обморожены. На головах пилотки. Летом они их носили лихо. Теперь стараются засунуть под пилотку уши. Из носу течет, он не вытирает лицо — рука замерзла. А когда привели в избу, все стали чесаться. Лейтенант пахнул одеколоном, вылил, наверно, на себя утром целую бутылочку. Он приподнял вязанку, чтобы сподручней было чесаться, и один из наших бойцов крикнул: «Ты погляди: бе вошь — медведь! Никогда я такой не видел...» Глядят на пленных бойцы с отвращением: «Эх, немчурал.. Вшивые фрицы...»

Ефрейтор был во Франции. Он вступил с передовыми немецкими частями в преданный Париж. Смешно подумать: может быть, я его видел в Париже? Изменился голубчик! Спесь с них наши посбивали.

Вчера из лесу вышли четыре немца: волков выгнал мороз. От деревни осталась одна изба, другие—немцы сожгли. Немцы поскреблись в дверь. Старая колхозница сплюнула: «Кто жег? Ты. Немец. Иди на мороз, грейся...»

Дощечка осталась: «Село Покровское». А села нет. Село сожгли немцы. Что видишь по дороге на запад? От изб остались трубы да скворешники на деревьях. Отступая, немцы посылали особые отряды «факельщиков» — жгли города и деревни.

Когда не успевали сжечь все, жгли самое ценное. В Малоярославце эти культуртрегеры показали себя вовсю: сожгли две школы-десятилетки, детские ясли, больницу и городскую библиотеку.

Вот их трупы. А рядом бутылки из-под французского шампанского, норвежские консервы, болгарские папиросы. Страшно подумать, что эти жалкие люди — господа сегодняшней Европы.. Часть «господ», впрочем, уже не будет пить шампанское: лежит в промерзшей земле.

В селе Белоусово остался нетронутым ужин. Бутылки они откупорили, а пригубить не успели. В селе Балабаново штабные офицеры спали. Выбежали в подштанниках — и торжественно в шелковых французских кальсонах погибли от русского штыка.

Женщины, когда видят наших, плачут. Это слезы радости, оттепель после страшной зимы. Два или три месяца они молчали. Сухими, жесткими глазами глядели на немецких палачей. Боялись перекинуться коротким словом, жалобой, вздохом. И вот отошло, прорвалось. И кажется в этот студеной день, что и впрямь на дворе весна, весна русского народа посредине русской зимы.

Страшны рассказы крестьян о черных неделях немецкого ига. Страшны не только зверства — страшен облик немца. «Показывает мне, что окурок в печку кидает, и задается: «Культур! Культур!» А он, простите, при мне, при женщине, в избе оправлялся. Холодно, вот и не выходит...» «Грязные они. Ноги вымыл, утерся, а потом морду — тем же полотенцем...» «Один ест, а другой сидит за столом и вшей бьет. Глядеть противно...» «Он свое грязное белье в ведро положил. Я ему говорю: «Ведро чистое», — а он смеется. Опоганили они нас...» «Все украли, паразиты! Детские вещи взяли. Даже трубу самоварную, в ту унесли...» «Хвастали, что у них страна богатая. На-

шел у моей сестры катушку ниток, а у меня кусок мыла. Мыло не душистое, простое. Все равно, обрадовался, посылку сделал — домой подарок мыло да нитки...» «Говорят мне: «Стирай наше белье», — а мыла не дают, показывают: стирай кулаками...» «Не дашь ему сразу — ружье приставляет...»

«Опоганили нас» — хорошие слова. В них все возмущение нашего народа перед грязью не только телесной, но и душевной этих фрицев. Они слыли культурными. Теперь все увидели, что такое их «культура» — похабные открытки и пьянки. Они слыли чистоплотными — теперь все увидели вшивых паршивцев, с чесоткой, которые устраивали в чистой избе нужник.

Когда их выгоняют, в уцелевших избах три дня моют пол кипятком, скребут, чистят. «Что дверь раскрыла, бабушка?» — спросил я. Старуха ответила: «Ихний дух выветриваю. Прокоптили дом, провоняли, вроды...»

Крестьянка с хорошим русским лицом, с лицом Марфь посадницы, рассказала мне: «Боялись они итти на фронт. Один плакал. Говорит мне: «Матка, помолись за меня» — и на икону кажет. Я и вправду помолилась: «Чтобы тебя окаянного убили!»

Добрым был русский народ. Это всякий знает. Умел он жалеть, умел снисходить. Немцы совершили чудо: выгнали они из русского сердца жалость, родили смертную ненависть. Старики, и те хотят одного: «Всех их перебить». Некоторые из них три месяца тому назад еще были слепыми и глухими. Один встретил наших с куренком, кланяется, говорит: «Дураков вы принимаете? Дурак я. Шли немцы, а я думал: мне

что? А они ввучку мою угнали. Так и не знаю, где она. Корову зарезали. С меня валенки сняли, видишь, в чем хожу. Курицу одну я от них упрятал. Как услышал, что уходят, затопил печь, старуха для вас зажарила. Спасибо, что пришли...» Стоит и плачет. А в душе у этого семидесятилетнего деда та же ненависть, что у всех нас.

Дом старика не сожгли — не успели. Много домов спасли красноармейцы от огня. За Малоярославцем наши наступали быстро, и немцы, откатываясь, не успевали выполнять приказ — все уничтожать. В одном селе «факельщики» уже выгнали всех из домов, а тут услышали пулеметную очередь и убежали. Деревня уцелела. В другом селе подожгли один дом, потом показались наши лыжники — немцы удрали. А пожар наши погасили. Не только дома спасли бойцы — жизни. Я видел приговоренных к расстрелу — их не успели расстрелять. Ташили девушку с собой — испугались, бросили. Каждый красноармеец может написать своим: «Я спас от огня русский дом. В этом доме теперь живут русские. Будут там расти дети. Вспомнят и про нас. Я спас от веревки русского человека. Его вели к виселице. Но мы подросли». Не только родину спасает боец, он спасает еще такое-то село — Лукьяновку, или Петровское, или Выселки. Он спасает такого-то человека — пастуха Федю, лесничего Кривцова, учительницу Марию Владимировну. И каждого бойца благословляют теперь в освобожденных домах спасенные люди.

По скрипучему снегу едут в санях крестьяне, торопятся — скорей бы повидать свой дом! Еще недавно они шли на восток суровые и скорбные. Теперь, улы-

баясь и жмурясь от яркого, залитого солнцем снега, они идут на запад.

Скорее их идут бойцы. Они тоже торопятся: выбить врага из Медыни. Этот город рядом. Его обошли. Его сжали. Завтра заплачут от радости люди в камни еще одного освобожденного города.

Пусть в Малоярославце люди радуются — сегодня снова начала работать электростанция, и в домах светло. Пусть в Боровске вставляют в рамы стекла — люди наконец-то отогреются. Пусть в Ильинском колхозники выветривают и чистят загаженные немцами дома. Все это позади. Красная Армия идет вперед, и она смотрит вперед. Она думает не о Малоярославце, не о Боровске. Она думает о Медыни, о Вязьме, о Смоленске. Перед ней люди, которых нужно спасти от смерти, — русские люди. И по пояс в снегу, не зная усталости, идут вперед любимцы России.

14 января 1942 г.

ГОЛОШТАННИКИ

Командир 134-й германской пехотной дивизии, действующей на Югозападном фронте, издал следующий приказ:

«1. Склады у нас в Варшаве, они, следовательно, далеко от нас.

2. Имеется много превосходно обмундированных обозников. Необходимо снять с них штаны и обменять на плохие в боевых частях.

3. Наряду с абсолютно оборванными пехотинцами, отрядное зрелище представляют солдаты в залатанных штанах.

Можно, например, отрезать низ штанов, подшить их русской материей, а полученным куском латать заднюю часть.

4. Я не возражаю против ношения русских штанов».

Плохи, видно, дела немецкого командира, если даже заплаты на задней части кажутся ему «отрадными». Не до стратегии бедному генералу: Гитлер говорит об «укорачивании фронта», а генерал занят укорачиванием штанов.

Пришли они к нам гордые в нарядные. Вырядились, как на праздник. Прошло полгода, и стала «великая» германская армия армией голоштанников. Генерал сни-

сходительно говорит, что против русских штанов он «не возражает». Еще бы. Он не возражает даже против русской юбки—лишь бы покрыть чем-нибудь дыру без заплат. Одна беда: мы возражаем. Не для вас наши штаны, вшивые голоштанники! Помирать можете и без штанов.

15 января 1942 г

ТОЙ ЖЕ ДОРОГОЙ

«Наши солдаты почти голые. Они зажигают избы, чтобы согреться. Сегодня мороз 23 градуса. Наши закутались, кто в одеяло, кто в шубу. Головы и ноги обернуты платками и тряпьем» (Пюибиск).

«Некоторые одеты в женские шубы — они были взяты у русских и предназначались для жён или любовниц» (Гриуа).

«Моя нога распухла, а дырявые сапоги от снега сузились» (Кастелян).

«Я убедился, что большие пальцы у меня действительно отморожены. В довершение всего я согрел мои сапоги — подвинул их слишком близко к огню» (Вагевир).

«Теперь стало трудно передвигаться из-за сильных морозов. Ко всему нас пожирают вши» (Дюпэн).

«Вши стали для нас истинной пыткой. Из-за убийственного холода мы не раздеваемся, и эти паразиты страшно расплодились. Ужасный зуд не даёт спать. Попадая в теплое помещение, мы, не стесняясь друг друга, начинаем искать насекомых» (Гриуа).

«Я не знаю более неприятного чувства, чем то, которое испытываешь ночью в неприятельской стране, в лесу, размеры которого неизвестны. Леса буквально кишат русскими» (фон Зукков).

«Получен приказ: отступая, мы должны сжигать все селения» (Пасторё).

«Бедные наши солдаты, они ничего не могли сделать. У многих были отморожены ноги и руки. Русские изрубили почти всех» (Бургонь).

«Нам пришлось бросить пушки. Наш состав сократился на 4000 штыков. Погибли многие выдающиеся офицеры».

Откуда взяты эти цитаты? Из дневника обер-лейтенанта? Из писем ефрейтора? Нет, этим записям очень много лет: они сделаны участниками наполеоновского похода — французами, итальянцами, немцами. Они сделаны в первые дни отступления — потому оккупантам было не до литературы.

Конечно, далеко Гитлеру до Наполеона. Бонапарт был гениальным полководцем. О нем писали стихи Пушкин и Лермонтов. Кто напишет о Гитлере? Разве что Геббельс... Однако отступление гитлеровской орды весьма напоминает отступление армии Наполеона. Есть, видно, у русской земли свои традиции. хлеб-соль для друзей, мороз и смерть для врагов.

Сначала Можайск, потом Смоленск, потом Орша, потом Вильно — таков маршрут Наполеона. Вряд ли Гитлер найдет другую дорогу. Этот жалкий комедиант может утешить себя, воскликнув: «Я возвращаюсь путем Наполеона». В том только разница, что Бонапарт побывал в Москве, а тирольскому шпику пришлось ограничиться полевым биноклем.

18 января 1942 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В одной из сожженных деревень под Можайском я видел назидательную картину: на пепелище лежат полусгоревший труп немца. Огонь выел его лицо, а голая ступня, розовая на морозе, кажется живой. Колхозницы рассказывают, что этот немец вместе с другими «факельщиками» поджигал деревню. Бутылка с горячим вспыхнула в его руке. Лежит ком обугленного мяса: преступление и наказание.

В другой деревне, от которой остались два дома и сто восемь труб, колхозницы увидели пленного немца. Фриц был грязен и жалок. Ничего нет гнуснее глаз убийцы, которые становятся сентиментальными; рук разбойника, которые складываются для молитвы; голоса насильника, который переходит на нежный лепет. Фриц ворковал, что у него дома жена и дети. Тогда одна колхозница подбежала к немцу и крикнула: «Ты коров наших ел? Ел. Куриц ел? Ел. Почему ты мой дом сжег?» Немец в ответ забубнил: «Нихтс! Нихтс! Не я. Гитлер...» Потом он обратился к переводчику: «Ради бога, защитите меня от вашего гражданского населения!..»

Они жгут русские города и деревни. Безумцы, они не понимают, что они жгут Германию. Я вижу страну немчуры, сгоревшую, с голой розовой пят-

кой... Поджигатели сами сгорят. Я знаю, они тогда завопят: «Нихтс! Нихтс! Это не мы. Это Гитлер». Но мы теперь учимся не слышать поздних жалоб. Мы учимся не видеть притворных слез. Мы скажем каждому: «Не только Гитлер, жег — ты. Гитлер для тебя был божеством, фюрером, Вотаном. А для нас Гитлер — ничтожество, шпик, один из фрицев. Такой же фриц, как ты. Не ссылайся же на Гитлера! Умел грабить, умеи держать ответ». Не одна колхозница придет со счетом — миллионы. Весь наш народ. Вся Европа. От Черногории до Норвегии.

Вы будете выть: «Защитите нас от сорока народов!» Никто вас не защитит. Ваши военные заводы; ваши арсеналы взлетят. Ваши крепости будут срыты. Ваша свастика будет растоптана. Ваш орел будет ощипан. Вы сможете на берлинской улице, именуемой «Аллеей побед», поставить еще один памятник: Германию с факелом, Германию-поджигательницу, обугленную, уродливую и черную, как ночь, горе-Германию

20 января 1942 г.

ВЕЛИКОЕ ОДИЧАНИЕ

Германия была окружена глухой стеной. До мира едва доходили стоны ее концлагерей. По столицам Европы разъезжал гладенький Риббентроп. Мало кто заглядывал в черную душу свежевыбритого коммивояжера. Иногда немцы показывались на международных выставках: вежливые приказчики раскладывали прекрасно изданные книги. Посетители не смотрели, что там напечатано. Приказчики расхваливали самопишущие перья и безопасные бритвы. Никто не знал, что этими перьями немцы будут записывать, сколько девушек они изнасиловали и сколько домов они подожгли. Никто не знал, что, позабыв о безопасных бритвах, немцы будут обыкновенными бритвами отрезать у раненых носы и уши. Вместо фотографий воспроизводили старые портреты. Думая о Гете, забывали о Гитлере; помня Шиллера, пренебрегали Геббельсом. Наивные люди полагали, что Германия— страна, а она стала огромной воровской организацией. Думали, что немцы — народ, а они стали многомиллионной бандой.

Стена пала. В сожженных русских городах этнографы всего мира могут изучать повадки и быт гитлеровского племени.

Я начну с внешнего облика. Точно глядеть на

пленных, до того они грязны. Колхозницы в уцелевших избах обдают стены кипятком, скребут пол, держат открытыми двери: «Дух ихний выветриваем». Немцы превратили комнаты, где они жили и спали, в нужник. «Что говорят пленные?»—спросит гражданин в Куйбышеве или в Свердловске. На это трудно ответить: пленные не разговаривают, пленные чешутся. На их руках кора грязи, а грудь покрыта бисером насекомых. Голубые подштанники и розовые рубашонки, вывезенные из Парижа, стали буро-серыми.

Колхозницы рассказывают о быте этих непрошенных постояльцев. Один вытирал ноги, а потом тем же полотенцем лицо; другой оправлялся в избе при женщинах; третий бил вшей на столе, где его сотоварищи обедали; четвертый в помойном ведре кипятил кофе; пятый держал сахарный песок в грязном носке. Не стоит продолжать.

Это было лет десять тому назад. В Германии один коммерсант мне спесиво говорил: «У нас, видите ли, даже свиньи отличаются чистоплотностью...» Конечно, это было риторикой — купец хотел поднять в цене вестфальскую ветчину. Но как случилось, что немцы, гордившиеся своей акуратностью, стали куда грязнее свиней?

Немец, который оправлялся в избе при женщинах, искал пепельницу, чтобы бросить окурочек. Ряд условностей, заученных правил, механических жестов отделяет берлинца 1942 года от дикаря. Культура современной Германии — это тонкая пленка над хаосом первобытного варварства. Попав в условия русской зимы, немец перестал мыться; он не хочет мыться на

морозе. Если нет теплой уборной, пусть станет уборной комната. Так псевдо цивилизованный человек в две недели становится животным.

Внешняя чистоплотность связана с внутренней. Солдат гогенцоллерновской Германии отнюдь не был ангелом. Он тоже грабил и безчинствовал. Но по сравнению с немцем выпуска 1942 года он был наивной институткой. В нем жили некоторые моральные устои. Он, например, понимал, что такое мать. Он старался не плевать в комнате. Он грабил, но знал, что грабит, и краденое не называл «трофеями». Гитлер совершил операцию: он действительно удалил из сознания немцев совесть. После такой ампутации немецкие солдаты оказались одновременно и сильными и слабыми. Сильными, поскольку они лишились моральных тормозов; слабыми, поскольку утратили человеческое достоинство.

Я знаю, что вши водятся на теле, а не в сознании человека. Я знаю, что эти насекомые непосредственно связаны с трикотажным нитяным бельем, которого немцы не меняют по два, по три месяца. И все же я берусь утверждать, что вши связаны также с фашизмом, что отсутствие моральных норм позволило немцам опуститься даже внешне, дойти до их теперешнего облика. Я видел лейтенантов, обрызганных одеколоном и полных вшей. Им не хотелось отстаивать свой человеческий облик. А одеколон был автоматическим продлением давнего и ныне мертвого быта. Прославленная цивилизованность сошла с немцев сразу, как тонкая позолота.

Нужно ли говорить о внутренней нечистоплотности? Они не только раздевают русских и французов,

они крадут друг у друга кусочек хлеба, щепотку табака, пару носков. Напрасно офицеры борются с триппером в своих приказах, заявляя, что триппер «мешает солдатам служить фюреру». Гитлеровцы не выходят из домов терпимости. Они покрыли стены русских домов непристойными рисунками. Я видел немецкого ефрейтора, который занимал достойный пост — начальника дома терпимости. Немецкие подсумки и карманы начинены непристойными открытками вперемежку с семейными фотографиями. Они рассказывают проституткам о своих женах и невестах. Это воистину грязные существа! Гитлеровский режим уничтожил в них остатки христианской морали, культ семьи, примитивную честность. Все это заменено фатализмом игрока: не рискну — не выиграю. Их называют иногда язычниками. Это неверно. В любой языческой религии существовали понятия добра и зла. Они отсутствуют в сознании гитлеровца. Для него хорошо все, что удастся.

Один негодяй написал в своем дневнике: «Когда я расскажу Эльзе, что я повесил большевичку, она мне наверно отдастся». Другой в записной книжке соизволил начертать: «Женщины любят жестоких». Вряд ли Ницше признал бы в этих хищных баранах своих последователей. Аморальность современной Германии ближе к скотному двору, нежели к философской системе.

Так, наперекор всем историческим концепциям, в самом центре Европы в тридцатые годы двадцатого века определилось государство, снабженное усовершенствованной техникой и весьма напоминающее кочевую разбойную орду. Мужья отправляются за добы-

чей. Жены ждут: им привезут голландский сыр, парижские чулки, украинское сало. Разговоры о преимуществе германской расы и ученые трактаты в сорок печатных листов о достоинстве геббельсовского черепа — только анахронизм, старая немецкая привычка оправдать каждый чих «научной теорией».

Быстро сползли с немцев все атрибуты культуры. Они легко приняли размножение по заданиям эсэсовских начальников, исправление писания согласно бреду тирольского маниака Гитлера, утверждение убийства как естественного состояния человека, возврат к навыкам пещерного века.

Этому одичанию большой страны способствовала гипертрофия механической цивилизации. Каждый немец привык к жизни автомата. Он не рассуждает, потому что мысль может нарушить и аппарат государства и его, фрица, пищеварение. Он повинуетя с восторгом. Это не просто баран, нет, это экстатический баран, если можно так выразиться, это баранофил и панбаранист. В механическое повиновение он вносит ту долю страсти, которая ему отпущена. Сколько раз, разговаривая с немецкими пленными, я в нетерпении восклицал: «Но что вы лично об этом думаете?» — и сколько раз я слышал тот же ответ: «Я не думаю, я повинуюсь».

В автоматизм мыслей и поступков они вносят присущую им истеричность. Чувство меры им чуждо. Они взяли так называемую «золотую середину» и довели ее до абсурда. Акуратность и умеренность в их понимании становятся бредовым педантизмом, маниакальными ограничениями. Они живут на ходулях, оставаясь колбасниками или тюремщиками. С припадоч-

ным пафосом они говорят о выигранных пфеннигах или о выпоротом сынишке. Что такое Гитлер с его наполеоновскими позами? Шпик, заболевший манией величия; уголовник, уговоривший своих коллег, что он гигант; одна клетка огромной раковой опухоли.

Мы увидели этих людей. Они загадили наши города. В Париже они сносят Эйфелеву башню, у нас строят виселицы. Они ознаменовали свой «крестовый поход» домами терпимости, походом гонококков. Они показали, что за машинной цивилизацией Германии не скрыто никаких общечеловеческих норм. К нам пришли первобытные существа с автоматическим оружием. От их «философии» хочется прежде всего в баню. А видя их упорное сопротивление, не только не чувствуешь уважения, но переживаешь глубочайшую брезгливость: автоматы с автоматами. Хочется над трупом каждого немца закричать: «Великая вещь человеческая свобода!»

Их нелегко будет уничтожить. Они спаяны не идеями (какие уж тут идеи!), но механическим послушанием и круговой порукой. Они не стыдятся пролитой крови, но они не слепые — и кровь они видят. Они понимают, что нельзя будет все свалить на Гитлера и объявить, будто Геринг или Браухич — пасхальный ягненок. У всех рыльце в пуху. Идея объединяет героев. «Мокрое дело» спаивает шайку. Шайка эта большая, и, как говорится в сказке, таскать их не перетаскать. Конечно, мы их «перетаскаем», но это будет весьма серьезным делом.

Однако то, что произошло под Москвой, — не случайный эпизод, но глубоко поучительная и высоко моральная история. Сила человеческого духа, свет

Разума, достоинство победили тьму варварства, неодушевленную механику «роботов», наныщенность паразитов. Мы пронесли свет сквозь мглу этой осени, свет нашей культуры и той, которую мы справедливо называем всечеловеческой. Это свет древней Греции, свет Возрождения, свет просветителей восемнадцатого века — все, что человек противопоставил покорности, косности, атавизму. Дневное ясное начало положено в нашу борьбу против Германии: разум, душевная чистота, свобода, достоинство. «Вы знаете, что такое справедливость?» — спросил я пленного немца. Он вместо ответа закрыл рукой лицо, как будто я хотел его ударить. Такой я вижу теперь Германию — она боится взглянуть вперед. Она еще дышит, еще движется, еще стреляет, она еще способна убивать и разорять, она еще способна причинить миру величайшие бедствия, но все это уже не живая жизнь, а сокращение мышц, напоминающее повторность посмертных явлений.

29 января 1942 г.

ГОРЕ ОТ РАССЕЯННОСТИ

Немецкий генерал, командующий 98-й пехотной дивизией, очень обижен рассеянностью своих солдат: они держат на себе всякие бумажонки, а эти бумажонки попадают в руки русских. Нужно сказать, что и сам генерал оказался мужчиной довольно рассеянным: убегая, он обронил приказ, на котором большими буквами написано «секретно». Вот текст этого приказа, датированного 4 декабря 1941 года:

«Немецкий солдат на фронте слишком много занимается сочинительством. Недопустимо, чтобы дневники немецких солдат или письма, адресованные им родными, попадали в руки врага. Заботливость родственника о сыне или муже истолковывается противником как наша слабость. Русский не знает нашего семейного уклада и понимает содержание писем буквально.

Надлежит снова напомнить солдатам, что они не должны о многом упоминать в своих письмах и прежде всего описывать тяжелые потери. Подобными сообщениями мы только огорчаем наших родных, в то время как мы обязаны их поддерживать бодрыми известиями. Кроме того подобного рода известия, передаваемые из уст в уста, могут дойти до противника.

В письмах на фронт часто можно найти жалобы на длительность русской кампании. Пора выкинуть из

головой мысли о быстром завершении войны. Если в нашей печати иногда пишут, что русские полностью побеждены, то подобного рода мнения руководящих деятелей печатаются исключительно для заграницы, чтобы подчеркнуть нашу уверенность в победе.

Почтовая цензура задерживает все недоброкачественные письма. Каждый солдат, описывая свои переживания, не должен сообщать ничего, способного взволновать его родных. Мы — мужчины и обязаны сами переносить все безрадостные последствия тяжелой борьбы, не отягощая этим других».

Другой немецкий генерал, командующий 263-й дивизией, тоже охвачен зудом сочинительства, и он тоже обронил «совершенно секретный» приказ, помеченный 18 декабря 1941 года:

«Солдаты должны быть поставлены в известность, что в письмах запрещается упоминать о предполагаемых или подлинных трудностях, особенно о неблагоприятном влиянии войны на настроение и на здоровье солдат.

Письма с родины, в которых упоминается о злоупотреблениях всякого рода или о личных заботах, должны уничтожаться.

Мы обязаны мужественно переносить трудности, вытекающие из зимней кампании, не давая пищи для пропаганды противника».

Два немецких генерала решили, видимо, меня погубить: не хотят мне давать материала для моих статей. Я ведь падаю на дневники фрицев и послания Гретхен. Но пока что генералы меня порадовали: что

может быть лучше для нашей пропаганды этих двух приказов?»

Прежде всего следует отметить, что командующий 98-й дивизией шельмует не кого иного, как Гитлера. Кто этот «руководящий деятель», заявивший, что «русские полностью побеждены»? Разумеется, тирольский шпик, он же главковерх битой германской армии. Оказывается, Гитлер врет... «для заграницы».

Цело, однако, не в Гитлере, а в любовной переписке между Фрицем и Гретхен. Я прочитал по меньшей мере тысячу посланий. Может быть, генерал считает, что я «буквально понимаю содержание писем»? Не всегда. Например, когда Гретхен пишет, что ее дом снасла бомба «томми», что ей нечего есть и что она «твердо верит в гений фюрера», я не понимаю этого буквально. Я знаю, что английская фугаска действительно разбила дом Гретхен, что в Мюнстере перестали выдавать даже картошку, но вот насчет «гения фюрера» — это для почтовой цензуры.

Немецкий генерал боится, как бы мы не так поняли любовную переписку Фрица и Гретхен. Мы, дескать, люди грубые и ничего не смыслим в «семейном укладе» немчуры. Смыслим. Несложный это уклад. Вначале Гретхен писала Фрицу, чтобы он сташил для нее русскую шубку. Фриц ей отвечал, что обязательно стащит, как только придет в Москву. Фриц также слал ободряющие известия: в Москве он будет через неделю, а пока что он каждый день жрет русских курниц. Самка в своей норе ждала добычи. Самец шел на охоту, облизываясь и куражась. Теперь изменилась погода, и Гретхен не мечтает о русской шубе. Геббельс содрал с нее даже трухлявую немецкую вязан-

ку. А Фриц забыл про Москву. Он не ест больше кур. Он дрожит от холода, чешется и проклинает день, когда родился.

Красиво выражается немецкий генерал! Милый Фриц, не пиши о том, что русские взяли Можайск — это «действительная трудность». Не пиши, Фриц, что русские скоро возьмут Вязьму — это «предполагаемая трудность». Не пиши, что ты отморозил обе ноги и проклинаешь фюрера — это ведь «неблагоприятное влияние войны на настроение и состояние здоровья».

Бегут? Теряют пушки? Дезертируют? «Неблагоприятное влияние на настроение». Сыпняк? Сто тысяч сбороженных калек? Трупы замерзших? Да, да — «влияние на здоровье».

Фрицы, молчите о том, что вас бьют. Пишите, что вы побеждаете. Не то гретхен поверят вам, а не Геббельсу. Зачем сочинять немецкие сводки, если солдатские письма рассказывают о разгроме немецких дивизий?

Гретхен, молчите о «затруднениях всякого рода». Молчите о том, что ваши города бомбят. Молчите о том, что вы сожрали все: и французскую колбасу, и голландский сыр, и болгарские яйца и теперь лязгаете зубами голодные в нетопленных домах. Молчите, что кругом вас плачут вдовы. Молчите, что вам страшно потерять мужа. Молчите, чтобы мы не нашли на фрицах ваших писем. Вчера они еще были закапаны голодной слюной воровок. Сегодня они замараны слезами.

Молчите, фрицы, чтобы мы не узнали, как вам стра-

шно. Молчите, гретхен, чтобы мы не узнали, как вам тяжело.

А мы знаем. Без ваших писем. Достаточно поглядеть на одного пленного, чтобы понять судьбу пяти миллионов фрицев. Достаточно послушать одну истерическую речь Гитлера, чтобы понять судьбу Германии. Нам не нужно ваших грязных бумажонок. Вы загадили ими нашу землю. Мы знаем все и без вас. Вы, может быть, думаете, что мы жаждем изучать вашу звериную психологию? Нет. Мы хотим одного — уничтожить ваше гитлерячье племя.

25 января 1942 г.

МОЖАЙСК ВЗЯТ

Передо мной немецкая карта. Ее нашли в брошенной машине. На этой карте две стрелы. Они направлены в сердце России — в Москву. Одна пронзает Одинцово, другая—Голицыно. Это карта ноября, так называемое «Можайское направление».

Можайск взят. Этого все ждали, и все же это нам кажется нечаянной радостью. Для москвичей имя древнего города стало символом: «Они еще в Можайске». Из Можайска шли танки на Москву. Можайск для немцев был последним полустанком — перед Красной площадью. В Можайске немцы заранее праздновали победу. И вот Можайск освобожден. Сегодня москвичи с облегчением скажут: «В Можайске их больше нет».

Другими стали и лица людей и карты штабов. Вот глядит на карту генерал-лейтенант Говоров. Красные стрелы рвутся на запад. Своими остриями они зашли далеко за Можайск. Поход только начался. В Можайске была доиграна последняя сцена великой битвы за Москву.

В этой битве принимали участие стойкие бойцы, отважные командиры, танкисты и артиллеристы, летчики и конники. Зоркий и спокойный глаз наркома обороны следил за каждой деталью гигантского сражения.

Передо мной один из участников битвы за Москву: генерал Говоров. Хорошее русское лицо, крупные черты, как бы вылепленные, густой, напряженный взгляд. Чувствуется спокойствие, присущее силе, сдержанная страсть, естественная и простая отвага.

Вот уже четверть века, как генерал Говоров занят высокими трудами артиллериста. Он бил немцев в 1916 году, он бил интервентов, он пробивал линию Маннергейма.

Артиллерия — издавна гордость русского оружия. Славные традиции восприняли артиллеристы Красной Армии. В самые трудные дни советская артиллерия сохраняла свое превосходство. Есть в каждом артиллеристе великолепная трезвость ума, чувство числа, страстность, проверяемая математикой. Как это непохоже на истеричность немецкого наскока, на треск автоматов, на грохот мотоциклов, на комедиантские речи Гитлера, на пьяные морды эсэсовцев. Может быть, поэтому, артиллерист с головы до ног, генерал Говоров кажется мне воплощением спокойного русского отпора.

Генерал рассказывает о мужестве артиллеристов, защищавших в октябре Москву. Бывало, они оставались одни... Они не пропустили немцев. Теперь артиллерия перешла в наступление: «Нам приходится прогрызать оборону врага. Артиллерия участвует во всех фазах битвы. Она должна уничтожить узел сопротивления, изолировать его от других узлов. Потом — следующий, третий. Насыщенность автоматическим оружием не позволяет ограничиться подавлением огневых точек. Загонять под землю? Нет, уничтожать.

Артиллерия теперь не может руководствоваться только заявкой пехоты. Артиллерия ведет бой...».

Не замолкает телефон в штабе. Он дребезжит всю ночь. Генерал не спит. Его тяжелые свинцовые глаза впелись в карту. Он говорит в трубку: «Нет. Направо. «Язык» показал, что они отходят по рокадной...» Потом генерал надевает шинель и, огромный, шагает по снегу: проверяет, останавливает, торопит, скромный и мужественный, хороший хозяин и хороший солдат.

На Можайском направлении немецкий фронт был прорван 10 января. Сейчас над Можайском развеивается наше знамя. Здесь у немцев было много материальной части. Все это предназначалось для Москвы. Много попадет в Москву — вот немецкие тягачи, немецкие орудия, немецкие машины...

Сожженные дома. Отравленные колодцы. Минированы не только обочины, но и трупы фрицев. Варварским разрушением немцы пытаются задержать Красную Армию. Напрасные усилия! Воду в колодцах подвергают анализу. Против мин существуют миноуловители. А дома?.. Что же, бойцы давно привыкли к лесам: вне населенных пунктов спокойней.

Идут по снегу бойцы. Связисты подвешивают провода. Гремят орудия! Широкая прямая дорога ведет от Можайска на запад. Мы прошли только первый переход. Это — длинная дорога. Отсюда до крайнего мыса Европы, до «конца земли» — Финистера — царство смерти. Это — трудная дорога. Но покорно скрипит снег, но уверенно ступают бойцы — длинная дорога будет пройдена.

21 января 1942 г.

ВТОРОЙ ДЕНЬ БОРОДИНА

Восемнадцатого января в деревне Шаликово, почти целиком сожженной немцами, женщина причитала: «Страшали, что назад придут, паразиты!» На следующий день дальнобойная артиллерия немцев начала стрелять по уцелевшим домам деревни. Ответили наши орудия. А под утро бойцы генерала Орлова пошли в атаку. Они заняли деревню, которая переходит в окраину Можайска. Немцы пытались защищаться. Шли бои на улицах. Боец в темноте спросил старушку: «Бабушка, какая это будет деревня?» Та руками всплеснула: «Заблудился ты—Можайск это. Немцы здесь. Убьют тебя...» Он в ответ рассмеялся: «Зачем убьют? Я их убью, это точно...» Было еще темно, когда наши дошли до центра Можайска. Немцы убежали. Рассвело час спустя. Жители Можайска увидели над зданием горсовета красный флаг.

Немцы спешили. Они все же успели взорвать Николаевский собор, Вознесенскую церковь, кинотеатр, гидростанцию. Заминировали больницу, но не успели взорвать. Зато взорвали сто своих раненых. Хотели поджечь дом, где находилось триста раненых красноармейцев, но наши пришли вовремя.

Сколько раз я слышал эти два слова: «Наши пришли». Их не забыть — прекрасные слова!

Можайск сразу стал тылом. Срывают со стен немецкие бумажонки. Вставляют фанеру в рамы. В магазине суета: завтра начнут отпускать хлеб, крупу, конфеты. Только березовые кресты в центре города напоминают о трех месяцах немецкого ига.

Вот идет по улице немолодая женщина. Она знает, что такое немцы. Ее мужу Валентину Николаевичу Николаеву, учителю математика и пенсионеру, было шестьдесят два года. Он шел по улице, вынул носовой платок. Немцы его расстреляли — за то, что он «сигнализировал русским летчикам».

За что они убили двенадцатилетнюю девочку, изнасиловав ее? За что повесили неизвестного патриота? Не нужно спрашивать: на то они немцы.

Торопятся наши бойцы. Они спасли в Можайске триста друзей. Они спасли в селе Псареве шестьдесят дворов. Они спасли в Горках памятник Кутузову. Они спасли в Семеновском девушку, которую немцы хотели угнать с собой. Они спасли тысячи домов и десятки тысяч жизней. Их подгоняют два слова: «Наши пришли». И мысль: «Наши ждут». Трудно идти. Снег глубокий — вязнешь. А мороз — тридцать градусов. Но Можайск всех развеселил. Шли дальше, не останавливаясь. За день прошли пятнадцать километров. Вот и Бородино.

«Недаром помнит вся Россия про день Бородина». Проклятая немчурка хотела, чтобы мы забыли о нашем великом прошлом. Когда я подъехал к Бородинскому музею, он еще горел, подожженный немцами. Огненные языки лизали на фронтоне слова: «Славным предкам».

Почему немцы устроили в музее Бородина скотобойню? Почему, убегая, они подожгли музей? Они мстили славным предкам за доблесть столь же славных потомков. Они хотели уничтожить память о 1812 годе, потому что сто тридцать лет спустя Бородино снова увидело героев — в других шинелях, но с вечно русским сердцем.

Они хотели взорвать памятники Кутузову и русским солдатам. Не успели. Рядом с памятником Кутузову вчера торжественно похоронили трех советских артиллеристов, отдавших свою жизнь за славу и величие России.

При Бородине немцы хотели задержать наше наступление. Их обошли с севера, и немцы убежали. Они отомстили музею и всем селам окрест. Стоит тяжелый запах гари. В большом селе Семеновское, памятном по 1812 году, из ста семи домов осталось три. Сожжено село Бородино. От села Горки осталась только немецкая надпись «Горки».

Не забуду я крестьянской семьи возле пепелища. Они пришли посмотреть, не пощадил ли чего огонь. Замерзли и грели застывшие руки у головешек того, что еще вчера было их домом. Старик, женщина, четверо ребят. И женщина вдруг истошно крикнула: «Паразиты! Чтоб их!..»

Бойцы это видят. Бойцы делятся едой с погорельцами. Бойцы ускоряют свой шаг. Их окрыляет надежда — спасти еще один дом, еще одну семью.

Широка дорога на Запад. Немцы поставили на ней новые указательные столбы; на них помечено, сколько километров до Москвы. Сосчитать было легче.

чем пройти. Наши бойцы теперь не смотрят, сколько от Москвы. Они смотрят, сколько до Вязьмы. Они смотрят, и они идут вперед. Вчера они взяли Уварово — последний пункт Московской области. Генерал Орлов, улыбаясь, говорит: «Скоро ко мне приедете» — он из Белоруссии. А бойцы шутят: «Скоро фрицы вяземские пряники попробуют...»

В одной деревне немецкий офицер оставил, удирая, сорок бюстгалтеров. Мальчонка допытывается: «Дяденька, зачем это немцу?..»

Жалкие люди! Они способны убить человека из-за какой-то тряпки. Они защищаются в деревнях только потому, что им страшно убираться на мороз. Почему они еще воюют? Да потому, что им страшно держать ответ.

Мы говорим не о мести — о справедливости. Мы не хотим расстреливать немецких учителей шестидесяти двух лет. Мы не тронем двенадцатилетних девочек. Мы не собираемся поджигать немецкие музеи. Но мы знаем одно: тем, кто убил учителя Николаева, тем, кто убил двенадцатилетнюю девочку, тем, кто поджег музей Бородина, — на земле не жить.

Россия не забудет и второй день Бородина: сожженных сел, уничтоженного музея и доблестных красноармейцев, которые сказали своим славным предкам: «Мы вас не осрамили. Как вы, мы отстояли Москву от проклятых чужеземцев».

24 января 1942 г.

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТЬЕ

Немцы закапывали своих мертвецов не на кладбищах, не в сторонке, нет,—на главных площадях русских городов. Они хотели нас унижить даже своими могилами. Они думали, что завоевывают русские города на веки веков. Малоярославец должен был стать «Клейн-Ярославом», а Можайск—«Мошайск-штадтом». Они рассчитывали, что на площадях русских городов будут высятся памятники немецким солдатам. Они хотели, чтобы вшивые фрицы, налетчики и насильники, покоились рядом с Львом Толстым. Парад мертвецов на чужой земле не удался: ушли живые, ушли и трупы — не место немецким могилам на площадях русских городов.

Пядь за пядью, город за городом мы очищаем нашу землю от насильников. Это подвиг, нет ему равного. В тяжелой борьбе гибнут многие наши герои. Мы должны благоговейно сохранить память о них. Мы должны похоронить их останки с воинскими почестями. Мы должны заботливо сохранить священные могилы.

Я был на погребении бойца. Бойцы шли на запад.

Это было короткой остановкой, полной значения. Трижды потряс воздух прощальный залп. На глазах у мужественных бойцов выступили слезы. Коротко сказал над могилой комиссар: «Прощай, товарищ! Прощай, друг! Ты погиб смертью храбрых. Ты погиб, освобождая родину от смерти. Мы идем дальше — на запад. Каждый из нас пошлет врагу пулю и за тебя. Память о тебе будет с нами. С нами ты пойдешь дальше — в Смоленск, в Минск, в Берлин...»

На площадях Малоярославца и Можайска я видел святые могилы: здесь похоронены храбрецы, участвовавшие в освобождении этих городов. Пройдут годы. Забудутся страшные месяцы войны. Люди отстроят новые города, новые школы, новые клубы. Красивей, больше прежних станут наши города. В сердце освобожденных городов останутся дорогие памятники. И мать, показав ребенку на цоколь с начертанными именами, скажет: «Вот, Петя, кто тебя спас...» И в поле колхозницы почтут одинокую могилу красноармейца. Вокруг нее расступятся колосья. Ее не тронет время.

Забвенью будут преданы имена немецких захватчиков, погибших на чужой земле. Немецкий народ будет молить другие народы: «Забудьте о них». Но бессмертны имена наших павших героев: каждый из них, умирая, воскрес в других, в братьях и в детях, в народе. Перед нами еще живые немцы. Но они уже мертвы. Они умерли в тот день, когда начали свое низкое дело виселиц, грабежей и пыток. Никто их не помянет добром — ни у нас, ни в Германии.

Наша бойцы, павшие на поле брани, победили не только врага, они победили смерть. Они погибли за близких, за друзей, за свою маленькую деревню и за нашу необъятную страну. У мертвых сирот найдутся матери — все женщины России. У погибших бездетных будут потомки — весь русский народ.

31 января 1942 г.

ЧУДО

Французы называют Марискую битву «чудом на Марне». В августе 1914 года немецкая армия шла на Париж. Французы, разбитые возле Шарлеруа, в беспорядке отступали. Казалось, путь на Париж открыт. Однако у самой столицы французская армия собралась с силами и отбросила немцев на сто километров.

Нельзя сравнить битву под Москвой с битвой на Марне. В 1914 году против Германии сражались не одни французы, и «чудо на Марне» в значительной степени следует объяснить наступлением русских на Восточную Пруссию. В дни битвы за Москву второго фронта не было. Мы приняли на себя всю тяжесть удара.

Против нас была самая мощная армия мира. Годами инженеры Германии создавали адскую машину. Десятилетиями немецкие генералы жили одним: планами вторжения в нашу страну. Просыпаясь, они думали о том, какой путь лучше ведет к Москве: через Тулу — Рязань или через Ярославль? Немцы не ели, не спали, не развлекались, не учились. Они делали одно: готовились к нападению.

Мы строили города, работали, учились. Мы были готовы защищать наш дом. Но не о войне мы мечта-

ли. Мы воспитывали людей. А они? Они знали свое — они строили танки.

Они быстро разбили Польшу. Еще быстрее они покончили с Францией. Они захватили всю военную промышленность Европы: заводы Шкода в Чехословакии, Крезо во Франции, льежские и роттердамские заводы. У них оказались испанская медь, норвежский азот, румынская нефть, венгерская пшеница. На пасшла Германия со всеми богатствами Европы в обозе.

О силе германской армии можно судить по ряду кампаний. Польские солдаты в Вестерплате и в Модлине дорого продали свою жизнь. Еще недавно французская армия пользовалась общим почетом. Не все французские генералы оказались капитулянтами, некоторые стойко сопротивлялись. Битва вокруг Арраса была жестокой битвой. Но немцы ее выиграли. Незначительные соединения германской армии в Ливии не только отбивают наступление англичан, но и переходят в контратаки. Кто после этого скажет, что мы остановили и отогнали слабого противника?

В ноябре немцы были уверены в своей победе. Они уже раздавали пропуска на Красную площадь. Они подвезли к Москве артиллерию, расставили дальнобойные орудия. Пушки глядели на Москву.

Шестого декабря Красная Армия перешла в наступление. Пушки, грозившие Москве, не успели обмолвиться выстрелом. Их взяли красноармейцы. Немцы дрогнули, и весь мир закричал на волнах длинных, средних и коротких: «Немцы бегут...»

В те самые дни, когда немцы спорили, какой полк первый войдет в Москву, когда военные обозревате-

ли союзных стран с горестью писали о торжестве немецкого плана, наше командование деловито готовилось к наступлению. Мы не скажем, что битва под Москвой была чудом. Нет, чудо — наш народ, ваши люди, наша душевная сила. Четверть века мы вынашивали это чудо. Мы его выстрадали. Мы его лепили из заполярного снега, из песка пустынь, из комка глины. Мы верили в человека, и человек спас Россию. Хорошая вещь — танки, но еще важнее строители танков и водители танков. Люди могут сделать новые моторы, но не заменить моторами ум и волю человека.

Осенью привозили заводы на восток. Среди непролазной грязи или снега выгружали тончайшие приборы. Казалось, не выживут неженки-машины на колоду, в тесноте. Но рабочие сделали чудо: неделю спустя станки уже изготовляли части авиамоторов. Были забиты все пути: кочевали и люди и вещи. Машинисты работали без передышки семьдесят часов, среди пурги вели двойные составы. Вытирали снегом лицо и ехали дальше. В месяц железнодорожники разгрузили пути, и это тоже было чудом. Дети в полях спасали картошку от морозов. В зимнее ненастье московские девушки рыли землю. Ткачихи и консерваторки в легких туфельках укрепляли столицу. Герои Ленинграда под артиллерийским огнем работали, отбивая атаки и немцев и голода. Это ли не чудо?

28 — цифра высечена в нашей памяти. Они умерли, но не пропустили врага к Москве. Героев было не двадцать восемь. Героев были миллионы. Герой был один — народ.

В эти дни мы еще раз поняли человеческую силу Сталина. Он думал не о нападении на чужие земли. Он думал о новом мире. Он отдавался стройке заводов, освоению Арктики, каналам, превращавшим пустыни в сады, школам, воспитанию человека. Великий поэт выражает свою сущность в одной поэме, опережая современников. Сталин писал Конституцию. Но ни на минуту он не забывал об опасности, грозившей стране. Он следил за злой суетой Германии, и, когда на нас напали немецкие изуверы, Сталин склонился над картами генштаба. Как раньше он знал число тракторов, свойство того или иного строителя, он стал считать, сколько нужно такой-то армии противотанковых ружей. Англичане и американцы, побывавшие в Москве, были поражены его военными познаниями. России пришлось надеть солдатскую шинель, и человек в шинели, как всегда, оказался ей сродни. Он внес в оборону Москвы, в подготовку наступления ясность мысли, глубокое спокойствие. Он сказал: «Москвы не сдадим». Москвы мы не сдали. Он сказал: «Немцев побьем». И мы начали бить немцев.

В чем наше чудо? В выдержке, в огромной выносливости, в мужестве, которое не ищет ни громких слов, ни красивых жестов. Наша победа одета в защитный цвет. Ее не сразу заметишь. Ее рот сжат и лицо припудрено снегом.

Чудо — это наше наступление. В жестокую стужу идут бойцы. Негде отогреться. А остановиться нельзя — высокое чувство подгоняет бойцов: там впереди наши города и наши люди. Выиграть один

день—это спасти сто домов от поджигателей. Выиграть один час — это спасти русского человека от веревки и русскую девушку от позора.

Наши союзники восхищенно отзываются о советской стратегии, о вооружении Красной Армии. Можно добавить — достойны вдвойне восхищения наши люди, московские рабочие, сибирские колхозники, кавказские виноделы, которые спешат на выручку Украины и Белоруссии. Чудом была Истра. Чудом был Можайск. Чудом была Лозовая.

Мы не уснем за праздничным столом. Мы не забудем о суровой действительности. Германия еще очень сильна. Немцы защищают каждый жарко натопленный дом: боятся выйти на холод. Немцы будут защищать каждый клочок захваченных ими земель; боятся великого холода мести. Немецкие инженеры строят новые танки и новые самолеты. Немецкие генералы хотят весной взять реванш: отыграться или погибнуть. Мы знаем, что они не отыграются.

Специалисты проверяют толщину танковой брони, ее сопротивляемость. Кто определит крепость русского сердца? Поэт Николай Тихонов когда-то написал о наших людях: «Гвозди бы делать из этих людей, в мире бы не было крепче гвоздей». Да, из таких людей можно сделать все: гвозди и танки, стихи и победу.

9 февраля 1942 г.

МУЖЕСТВО

Двадцать четыре года народ любил и лелеял Красную Армию. Для нее он не жалел ни бессонных ночей, ни краюхи хлеба. Когда мимо городского сквера проходил отряд красноармейцев, матери доверчиво глядели на веселых загоревших бойцов: не выдадут! А под деревьями играли дети... Эти дети теперь выросли, они дерутся за Полярным кругом или в южной степи.

Красная Армия не выдала. Мы все знаем: если мы живем, дышим, думаем, надеемся, если мы говорим на родном языке и живем в родных городах, это только потому, что Красная Армия—великая сила. В средневековой балладе дьявол говорит: «Я делаю на земле все, что хочу, потому что у людей доброй воли — пожелания, а у меня — воля. Они сделаны из воска, я из железа». Наш народ был народом доброй воли. Он не нес свободу на штыках, но свою свободу он научился защищать штыками. Дьявол узнал, что такое человеческая воля. Мы преградили путь его железным сколопендрам, потому что сердце каждого красноармейца, того самого, что ребенком играл в сквере, а потом пел лукавые и ласковые песни, оказалось крепче железа.

Далеко светят маленькие красные звезды. Их свет виден с двух полушарий. На них с надеждой смотрят рабочие Детройта и земледельцы Египта. Нет звезды ярче! Вот она — на шапке бойца, и к ней тянется ручонками годовалый русский ребенок: звезда спасет.

Мужество не случайность, не свойство — свойством бывает врожденная и безудержная отвага. Мужество — добродетель. Мужество — высшая ступень человеческого сознания, как любовь и как мудрость. Оно вызревает в сердце народа, как вызревает пшеница на горячем солнце. Когда человеку сызмальства внушают чувство достоинства, когда пастуха приводят к телескопу, когда депутат-дойрка проходит во дворец, жизнь становится радостной и важной. Наши отцы могли кинуть на землю золотой, но они не кидали куска хлеба: хлеб уважали, как человеческий пот. Так мы привыкли уважать человеческое достоинство. Его отстаивают мужественные люди.

Мужество — это любовь к жизни, такая любовь, что частная судьба становится бледной, неощутимой.

Может быть, малодушный и думает, что он спасет свою жизнь. Горькое его заблуждение! Есть в малодушии неотвязный привкус предательства, и человек, который спас свою жизнь любой ценой, никогда уже не будет радоваться жизни. Для него отравлены все ручьи, все песни приглушены, все чувства смещены. Любовь к жизни означает настоящее мужество.

Есть перед боем час большой тишины, иногда не час—минута. Тишина тогда кажется подчеркнутой. Нигде не бывает такой тишины, как на войне. И вот

в эти короткие минуты человек невольно вспоминает многое. Он не воспроизводит, как фильм, свои прошлые годы. Но разрозненные видения создают ткань жизни. Он смотрит на нее, как хозяин на сад с плодами. Если суждено ему расстаться с жизнью, он сделает это не как покоренный смертью, но как победитель смерти. Он знает, что он будет жить в близких. А если у него нет родных, его жизнь продлится в жизни народа. Если нет у него родной матери, все старые женщины благословят героя. Если нет у него детей, дети родины, черноглазые и светлоглазые, все дети будут ему обязаны жизнью, миром, счастьем.

Умереть за Россию — это не только умереть за государство, за историю, за свободу. Любой мальчик, тот, что сейчас играет в сквере, это — тоже Россия — живая, осязаемая, точная...

Есть в немецкой армии и трусы и смельчаки. Нет в германской армии подлинного мужества. Человек, который привык притеснять других, не может защищать своей свободы. Человек, который привык подтверждать свое право кнутом, не может защищать свое достоинство. Мы видели упорство немецких дивизий, засевших в наших городах, удаль того или иного немецкого танкиста, спортивный азарт немецких летчиков. Но мы не видели в немецкой армии мужества.

Красная Армия неразрывно связана с нашим народом: ее доблести — это доблести нашей страны. Кто прокладывает путь победителям Ростова или Калинина? Мирные люди, челюскинцы, летчики Арктики,

строители Кузнецка и Магнитки, врачи, боровшиеся с эпидемиями, учительницы, которые несли в чумы букварь, люди, прорывшие огромные каналы, осушившие болота, скототившие большую и стройную страну. Дело не только в том, что у нас больше железа, чем у немцев. У них еще много железа и много танков. Дело в том, что сердце дьявола оказалось сделанным из грязного воска. А сердце нашей родины — теплая плоть, которая крепче любого металла.

Любимец русских былин полжизни просидел сидья, а потом пошел в бой и начал разить врагов. Мы не полезли в драку; были мы народом братства и труда. Но, выйдя в бой, мы не остановимся. Есть корабли дальнего плавания. Есть эскадрильи дальнего следования. Красная Армия—это армия дальнего похода. Красная звезда не обманет мир, не закатится, не померкнет. Люди с красной звездой на шапках несут жизнь. Они несут жизнь в мир развалин, пыток и виселиц. Смерть их не возьмет: погибшие, они бессмертны. Живые, они пройдут с песнями по улицам освобожденных городов, и протянется рука спасенного ребенка к маленькой красной звездочке.

23 февраля 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Выстоять!	3
Испытание	8
Нет тыла	12
Мы выстоим!	15
Шелк и вши	19
Ответ Риббентропу	22
После Ростова	26
Ледяные слезы	28
Свидетели	30
Близится час	33
Руки коротки	36
Соляцеворот	38
Немецкое рождество	42
Ведьма в рубашке	45
Когда волк начинает бляеть	47
Весна в январе	51
Голоштанники	59
Той же дорогой	61
Преступление и наказание	63
Великое одичание	65
Горе от рассеянности	72
Можайск взят	77
Второй день Бородина	80
Смерть и бессмертье	84
Чудо	87
Мужество	92
